

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2016 / 2 (20)

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

Academic journal

2016 / 2 (20)

ISSN 2219-1976

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2016 / 2 (20)

ISSN 2219-1976

Политические изменения в Латинской Америке

Научный журнал

№ 2 (20), 2016

Основан в 2006 году

Учредители:

Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета

Редакционная коллегия:

к.г.н. И.В. Комов (ВГУ)
доц., д-р ист. н. М. В. Кирчанов (отв. ред., ВГУ)
доц., к.и.н. А. В. Погорельский (ВГАСУ)
к.и.н. И. В. Форет (ВГУ)

Editorial Board

Dr. Igor V. Komov (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr.Sc. in History Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr. Alexander V. Pogorelsky
(Voronezh State Academy for Architecture and Building)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет корпус № 8, ауд. 22

Все оригинальные статьи, написанные на русском языке, поступающие в Редакцию, проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия

http://www.ir.vsu.ru/resources/library/latin_politics.html

ISSN 2219-1976

Содержание

«ПОЛИТИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ» – 10 ЛЕТ	
«Постепенный переход на английский язык представляется жизненно необходимым в силу того, что российская латиноамериканистика остается невидимой»: анкета-интервью М.В. Кирчанова	5
<i>М.В. Кирчанов</i> , В 2006 году мало, кто был уверен, что мы сможем продвинуться дальше первого выпуска: “Политическим изменениям в Латинской Америке” – 10 лет	10
СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>М.В. Кирчанов</i> , Собственный Восток Бразилии: от раздумий над восстаниями рабов до изобретения Азии (интеллектуальная история истоков востоковедения в бразильской историографии)	12
<i>В.В.Климова</i> , Экономические взаимоотношения Аргентины и Испании в XXI веке	21
АВТОРИТАРНЫЙ ОПЫТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	
<i>Роман Тыса</i> , Пиночетофилия	26
<i>М.В. Кирчанов</i> , Постсоветская «латиноамериканистика» и скромное обаяние авторитаризма: Аугусто Пиночет и Фидель Кастро как «изобретенные традиции»	49
ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА В БОЛГАРИИ	
<i>Георги Коларов</i> , Наркотрафик, партизанская война и левый поворот в Латино-Карибской Америке	64
<i>Георги Коларов</i> , Проблемы политической регионализации и российский фактор в Латинской Америке в контексте парагвайско-боливийских отношений	74
АРГЕНТИНА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ДЕМОКРАТИЯ И АВТОРИТАРИЗМ (СТАТЬИ И ПЕРЕВОДЫ)	
<i>Ирина Радченко</i> , Хустисиалистское государство как аргентинский выбор	87
<i>А.В. Погорельский</i> , Конец эпохи «киршнеризма» в Аргентине	94

«ПОЛИТИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ» – 10 ЛЕТ

**«Постепенный переход на английский язык представляется
жизненно необходимым в силу того, что российская
латиноамериканистика остается невидимой»:
анкета-интервью М.В. Кирчанова**

В 2016 году журнал «Политические изменения в Латинской Америке», являющийся единственным региональным научным периодическим изданием в России, посвященным латиноамериканским студиям, отмечает свой десятилетний юбилей. Редакционная Коллегия обращается к авторам прошлых лет, нашим потенциальным авторам, экспертам и аналитикам с просьбой ответить на несколько вопросов, посвященных как латиноамериканистике, так и некоторым проблемам социального, политического, исторического и экономического развития современной Латинской Америки.

Ключевые слова: латиноамериканистика, Латинская Америка, развитие, академическое сообщество

The only regional academic periodical in Russia devoted to the Latin American Studies "Latin American political transformations» journal in the 2016 will celebrate its tenth anniversary. The Editorial Board ask the authors of the past years, our potential authors, experts and analysts to answer some questions dealing with Latin American Studies and actual problems of social, political, historical and economic development of contemporary Latin America.

Keywords: Latin American Studies, Latin America, development, academic community

В 2016 году журнал «Политические изменения в Латинской Америке» (ISSN 2219-1976), являющийся единственным региональным научным периодическим изданием в России, посвященным латиноамериканским студиям, отмечает свой десятилетний юбилей.

В связи с этим Редакционная Коллегия обратилась к авторам прошлых лет, нашим потенциальным авторам, экспертам и аналитикам с просьбой ответить на несколько вопросов, посвященных как латиноамериканистике, так и некоторым проблемам социального, политического, исторического и экономического развития современной Латинской Америки.

На вопросы в форме анкеты продолжает отвечать редактор «Политических изменений в Латинской Америке» д.и.н. М.В. Кирчанов.

1. В современной России, к сожалению, крайне мало или практически неизвестны достижения в сфере общественных, социальных, экономических, политических и исторических наук интеллектуалов из стран Латинской Америки. Не могли бы Вы назвать несколько наиболее заметных и ярких, на Ваш взгляд, событий, фигур, связанных с развитием упомянутых наук в Латинской Америке? Что из указанного, на ваш взгляд, могло бы стать полезным для России и развития российской латиноамериканистики?

Мой шорт-лист будет крайне субъективным, так как он отражает мои интересы, связанные с изучением Бразилии.

Жилберту Фрейри (1900 – 1987) – историк, социолог и критик, автор классической работы «Casa-Grande e Senzala».

Сержиу Буарки де Оланда (1902 – 1982) – историк, известный своими работами по социальной истории Бразилии.

Тамаш Шмерчаньи (1936 – 2009) – автор чрезвычайно интересных работ по социальным процессам и экономическим изменениям.

Симон Швартцман (род. в 1939) – автор работ по истории модернизации и авторитаризма.

В целом, современная бразильская историческая наука и другие гуманитарные науки развиваются очень активно и интенсивно.

В идеале, конечно, нужны, очень нужны переводы хотя бы избранных глав, фрагментов и статей бразильских и других латиноамериканских авторов на русский язык, но, к сожалению, вынужден признать, что, с одной стороны, у современной российской латиноамериканистики нет ресурсов и возможностей для реализации этого проекта, а, с другой, это, к сожалению, мало кого интересует...

Издание на русском языке работ мексиканского историка Карлоса Агирре Рохаса, посвященных проблемам историографии и «школе «Анналов»», к сожалению, исключение, а не правило.

Примечательно и то, что ИЛА РАН как формально профильный институт не имеет к этой публикации никакого отношения.

2. Российская латиноамериканистика в советский период отличалась значительным уровнем идеологизации. Современная отечественная латиноамериканистика также пребывает в состоянии зависимости от преимущественно левых или даже левацких политических течений и настроений. Как Вы оцениваете эту особенность российской латиноамериканистики и каковы пути преодоления подобной ситуации?

Подобную пагубную особенность можно оценивать только и исключительно негативно. В своих статьях я неоднократно критически высказывался на эту тему, что повлекло ответные санкции со стороны некоторых одиозных фигур из ИЛА РАН, где действует негласный запрет на цитирование моих работ, а мои тексты в силу идеологических и политических причин не могут быть опубликованы в журнале «Латинская Америка».

Пути преодоления отсутствуют, пока московские латиноамериканисты делают то, что они делают, т.е. пишут доносы, практикуются в применении идеологически и политически мотивированной цензуры.

Наше издание «Политические изменения в Латинской Америке» отличается именно отсутствием цензуры: мы печатаем как левых, так и правых, что совершенно неизбежно в контексте значительной политической поляризации латиноамериканских обществ, в то время как «Латинская Америка», издаваемая ИЛА РАН, постоянно скатывается все левее и левее, порой и вовсе утрачивая связи с академической историографией.

3. Латиноамериканистика в современной России практически не имеет традиций изучения истории, идеологии и современного состояния правых движений и партий в Латинской Америке. Какие перспективы, на Ваш взгляд, открываются перед отечественными исследователями региона, если они обратятся к изучению указанной проблематики? Применим ли политический и экономический опыт латиноамериканской правой в современной России и, если да, то в каких направлениях он мог оказаться наиболее эффективным?

На протяжении длительного времени советская латиноамериканистика изучала различные левые и рабочие движения, хотя последние не всегда были именно левыми и тем более коммунистическими, как хотелось доказать некоторым

советским историкам. В подобной ситуации правые изучались по остаточному принципу или не изучались вовсе. Между тем история правых очень интересна как в национальном, так и в сравнительном контекстах.

Я попытался показать это в своей книге о бразильском интегрализме – движении, которое воспринимается как местная форма фашизма. Кроме этого, правая проблематика была актуализированная мной и в статьях, посвященных современному бразильскому монархизму.

Что касается применения опыта правых, то в данном контексте речь может идти об ограниченной трансплантации экономического опыта в борьбе с рецидивами левого коммунистического наследия.

4. Формально латиноамериканистика в России является наукой, но по целому ряду направлений близка к политической идеологии. Какую бы научную повестку для Вы предложили бы российскими исследователям Латинской Америки? К изучению каких тем, на Ваш взгляд, следует обратиться, чтобы содействовать выходу российской латиноамериканистики из международной изоляции?

Выше я уже пытался ответить на этот вопрос.

Итак, еще раз, но, вероятно, более развернуто: необходимо изучать теории гуманитарного знания, эпистемологии, интеллектуальной истории, истории империй, и, конечно же, историй национализмов и последствий их развития, представленных нациями и государствами-нациями.

Что касается повестки дня, то начать, вероятно, следует с изучения теоретических и методологических основ латиноамериканских историографий.

Лично у меня особый интерес вызывает латиноамериканская, преимущественно – бразильская, социальная и экономическая критика, попытки местных интеллектуалов использовать конструктивистские и модернистские подходы к изучению истории, анализу и описанию социальных, политических и экономических институтов и отношений, которые сложились как ожидаемые, или, наоборот, нежелательные последствия модернизационных процессов.

В идеале современному российскому историческому латиноамериканистскому сообществу нужны переводы латиноамериканской, в особенности – бразильской, исторической классики.

Вместо ответов на 8 – 10 вопросы М.В. Кирчанов, как редактор «Политических изменений в Латинской Америке», поделился своими размышлениями об истории, достижениях и просчетах, перспективах в развитии журнала, которые опубликованы в данном номере в форме небольшой вводной статьи-комментария или статьи-размышления «В 2006 году мало, кто был уверен, что мы сможем продвинуться дальше первого выпуска: “Политическим изменениям в Латинской Америке” – 10 лет».

**В 2006 году мало, кто был уверен,
что мы сможем продвинуться дальше первого выпуска:
“Политическим изменениям в Латинской Америке” – 10 лет**

Первый сборник «Политических изменений в Латинской Америке вышел» в конце лета 2006 года. Тогда, в 2006 году, мало, кто был уверен, что мы сможем продвинуться дальше первого выпуска. Тем не менее, идея показалась мне очень перспективной и интересной, и я с энтузиазмом взялся за ее реализацию.

В 2011 году мы получили ISSN, что стало началом нового этапа в истории нашего издания. В 2016 году нашему изданию исполняется десять лет, и оно успело стать единственным специализированным региональным изданием, сфокусированном на латиноамериканской проблематике.

Каковы наши достижения?

Самое основное то, что мы выжили. К числу достижений, вероятно, надо относить и то, что «Политические изменения в Латинской Америке» достаточно быстро обрели свой уникальный облик, стали концептуальным изданием, которое не ограничивает себя политическими предубеждениями, так как среди наших авторов – и правые, и левые. Этим мы отличаемся от других российских специализированных изданий по Латинской Америке, которых не так и много выходит в современной России.

Вероятно, у нас есть миссия – знакомить российского читателя, который интересуется латиноамериканистикой, с теми сюжетами и проблемами, которые никогда не найдут своего отражения в «Латинской Америке» в силу особых политических и идеологических предпочтений ее редакционной коллегии. Поэтому, мы активно издаем переводы и не только с английского или испанского, но и с украинского. Мы пытаемся знакомить читателя с восприятием латиноамериканских проблем, процессов и институтов, которые характерны для национальных историографий. К сожалению, их достижения в современной России остаются почти неизвестными.

Методологически мы очень отличаемся от «Латинской Америки» и именно это я склонен рассматривать как наше

достижение. По сравнению с ней, «Политические изменения в Латинской Америке» – журнал не ВАКовский, мы – научный журнал.

Полагаю, что наша открытость для студентов и магистрантов, которые делают свои первые шаги в науке, также может быть отнесена к сильным сторонам нашего издания.

Среди наших достижений – информационная открытость и прозрачность. Почти все номера доступны на сайте Факультета международных отношений ВГУ. Мы печатаем своих авторов бесплатно и, поэтому, коррупционная составляющая, которая характерна для других тематически родственных, но органически чуждых нам изданий, в нашем случае исключена.

Каковы наши просчеты?

Они, конечно, тоже есть. Нам потребовалось почти пять лет, чтобы сделать издание регулярным, выходящим два раза в год. Мы не так много, как хотелось бы, уделяем внимания критике и рецензиям. У нас не столь широкий корпус авторов, но, может быть, это и оправданно для тематически специализированного издания, которое предъявляет к авторам не только формальные, но и методолого-теоретические требования. Как редактор нашего издания, я понимаю, что нам надо более активно печатать переводы и знакомить российских латиноамериканистов с достижениями зарубежных коллег.

Каковы перспективы?

Полагаю, точнее – верю, что наш журнал будет развиваться как междисциплинарная альтернатива несоветской ортодоксальной «Латинской Америке». В дальнейшем мы также активно будем печатать переводы и выделять тематические блоки в нашем журнале.

Среди ближайших перспективных задач – частичное издание журнала на английском языке и его включение в РИНЦ.

Постепенный переход на английский язык представляется неизбежным и жизненно необходимым в силу того, что российская латиноамериканистика остается невидимой, а английский язык успешно занимает позиции языка современной науки. Но это вовсе не означает, что мы откажемся от публикации статей на русском языке. Мы постараемся найти компромисс между продвижением в международный латиноамериканистский контекст и сохранением того уникального облика «Политических изменений в Латинской

Америке», который успел сложиться за десять лет их существования.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

М.В. Курчанов

Собственный Восток Бразилии: от раздумий над восстаниями рабов до изобретения Азии (интеллектуальная история истоков востоковедения в бразильской историографии)*

Автор анализирует проблемы генезиса и ранней истории востоковедения в Бразильской империи. Контакты между белыми представителями элит и черными рабами стимулировали интерес к Востоку в Бразилии. Первые стратегии и тактики раннего ориентализма не имели ничего общего с последующим академическим востоковедением.

Ключевые слова: история востоковедения, авантюристы, воображаемые сообщества, изобретенные традиции

The author analyzes problems of the genesis and early history of Oriental Studies in Brazilian Empire. The contacts between representatives of “white” elites and “black” slaves stimulated interests in the East in Brazil. The first strategies and tactics of the early Orientalism had nothing in common with later academic Oriental Studies.

Keywords: a history of Oriental Studies, adventurers, imagined communities, invented traditions

Процессы, связанные с генезисом, становлением и ранней историей востоковедения, в различных странах Запада развивались отлично друг от друга. Колониализм европейских стран, непосредственные контакты между европейцами и представителями политической, экономической и культурной элит колоний стимулировали интерес к Востоку. В условиях этой модели взаимодействия между Востоком и Западом вынужденные или добровольные контакты между колонизаторами и колонизированными составляли первичную основу востоковедения. Эта модель отношений фактически

* Перевод с английского Т. Хабибовой (Факультет международных отношений ВГУ). Оригинал: Maksym W. Kyrchanoff, *Inventing and imaging Orient: intellectual histories of Oriental Studies roots and backgrounds in American and Brazilian historiographies. The paper presented in the 3rd conference “A history of Oriental Studies: traditions and modernity” (Moscow, Institute of Oriental Studies, 2015, November 11 – 12). Печатается в сокращении*

позволила европейским авторам воображать Восток таким, каким им было выгодно в условиях существовавшего политико-экономического контекста. Эта форма генезиса востоковедения была характерна для Великобритании, Франции и Нидерландов, а также частично для Германской и Российской империй. Направления и тенденции академических исследований, которые принимаются как стабильные и развитые, на самом деле могут являться совершенно новыми потому, что зачастую «недавно возникшие или даже специально придуманные направления исследований умышленно выдаются за уже укоренившиеся» [15, р. 1].

Цель и задачи. Большинство научных исследований по истории востоковедения было посвящено деятельности разного рода институтов, обществ или ассоциаций, то есть сфокусировано на той области знания, которая имеет статус академических исследований. Анализ ранних «востоковедных» инициатив распространен в меньшей степени [5; 11; 14]. В связи с этим, автор попытается проанализировать историю востоковедения вне контекста признанных научных направлений, а на основе трудов интеллектуалов, чьи идеи не сформировали отдельного направления востоковедных исследований. Целью данной статьи является анализ проблем генезиса и исторического становления востоковедения в Бразилии в форме неакадемических исследований, которые фактически были имитацией или фальсификацией. Задачи статьи состоят в следующем: анализ интеллектуальной среды генезиса востоковедения, исследование влияния религиозного фактора на развитие востоковедения в США [3; 6; 7; 8; 10], анализ разного рода манипуляций и спекуляций, осуществляемых в процессе становления академического интереса к изучению Востока в Западном полушарии.

Введение в проблему. В странах, которые никогда не выступали в качестве колониальных держав, возникновение и развитие востоковедения было продиктовано влиянием интеллектуальных традиций и культурных стимулов, сложившихся в других странах. Институционализация независимого статуса востоковедения в Западном полушарии проходила в отличных от западноевропейских условиях. Американские академические научные традиции развивались под несомненным влиянием европейских школ. Признанным фактом является роль европейских университетов,

профессиональных ассоциаций и обществ в становлении и развитии различных научных областей в крупнейших странах западного полушария – США и Бразилии. Генезис востоковедения в этих странах, безусловно, имеет свои уникальные особенности. В США религиозный фактор оказывал определяющее влияние на становление востоковедения. В Бразилии периода Империи появление собственных школ по изучению географии и иностранных языков, включая азиатские и восточные, стало интеллектуальным стимулом для возникновения востоковедения, предопределив его последующий прогресс в республиканский период.

Историография и методологические основы. Проблемы генезиса востоковедения в Бразилии, интеллектуальный опыт первых бразильских востоковедов крайне мало изучены в российской историографии. Эти аспекты востоковедения преимущественно изучаются в рамках бразильской историографии в контексте интеллектуальной истории, истории идей и культурной истории. Различные аспекты, составляющие генезис бразильского востоковедения, анализируются в работах, посвященных проблемам интеллектуальной и культурной истории.

Эта статья основывается на методологических принципах, которые были предложены в 1970 – 1980-е годы американским ученым Эдвардом Саидом в его классической работе «Ориентализм» [13], а также британскими историками-марксистами Эриком Хобсбаумом и Тэренсом Рэйнджером в работе «Изобретение традиций» [15]. В 1983 году была опубликована книга американского политолога Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» [1]. Позже Эдвард Саид развил ранее представленные им идеи в книге «Культура и империализм» [12]. Эти научные работы сформировали каноны инвенционистской или воображаемой парадигмы в интеллектуальной истории и истории идей.

Научная парадигма инвенционизма имеет следующие основания: политические и культурные феномены не всегда действительно существуют в реальности – они были изобретены или придуманы интеллектуалами; воображаемые интеллектуалами традиции направлены на создание коллективного восприятия идей, в рамках поведенческих моделей и ценностных установок, связанных, например, с нациями и национализмом; история изобретения и

воображения социокультурных категорий и концепций не была беспрерывной, а наоборот прошла через множество провалов и хронологических разрывов; категория «Восток», как и другие придуманные западными интеллектуалами понятия, также изобретена; «Восток» – это изобретенная культурная традиция, созданная для легитимации европейского и западного доминирования и легитимации угнетённого положения Востока. Развивая теоретические основы инвенционалистской концепции, автор постарается применить её основные принципы к анализу истоков востоковедения в Бразилии в контексте религиозной, интеллектуальной истории, а также истории идей.

Предыстория восточных исследований в Бразилии.

Зарождение и ранняя история восточных исследований в Бразильской Империи протекало иначе, чем в США. В Бразильской Империи роль религиозного фактора была незначительной, несмотря на то, что она имела репутацию страны с преобладающим католическим большинством и влиятельной католической церковью. Местные элиты имели широкий спектр возможностей для развития контактов с неевропейскими культурными и религиозными традициями. Представители политических и интеллектуальных элит Бразильской Империи интересовались теми же темами, что и их европейские коллеги. Представители Империи, которые формировали политический класс, получали образование в португальских университетах и имели интерес к проблемам древнего Востока, но этот интерес имел иные основания. Европейские интеллектуалы видели Восток как отражение представителей колониальных элит. Восток был колонизирован ими, и они были абсолютно свободны в создании такого образа Востока, в котором были заинтересованы. Бразильская Империя не являлась колониальной империей, так как не имела заморских колоний. Поэтому ориенталистские идеи в этой стране развивались иначе, чем в Европе.

Бразильская Империя возникла в результате португальской колонизации большей части Южной Америки. Специфика колониальных и имперских экономик не удовлетворяла португальских колонистов и их потомков. Численность португальцев в Бразилии в XVII и XVIII веках была незначительной, и это вынудило политические элиты начать экспорт темнокожих рабов. В связи с массовым ввозом темнокожих африканцев [9], политическим классам Империи

стало необходимым изучить совершенно иной тип культуры и традиций, который в корне отличался от бразильской португальской идентичности. Политика имперской правящей элиты была сосредоточена, в основном, на ассимиляции и интеграции темнокожих рабов в колониальные и имперские общества. Определенные экономические, социальные и культурные роли были жестоко предписаны бразильским неграм со стороны их владельцами. Нет смысла идеализировать отношения черных рабов и белых господ, однако диапазон этих отношений был крайне широк и разнообразен, варьируясь от экономических до сексуальных.

История социализации бразильских негров в Империи была историей попыток интеграции их в постепенно формирующуюся национальную бразильскую культуру. В XIX веке произошло несколько восстаний рабов, причиной которых стали социальные, экономические и политические недовольства. Религиозный фактор был решающим в генезисе восстаний. Некоторые темнокожие рабы, ввозимые из Африки, были мусульманами. Крупнейшее мусульманское восстание рабов в Бразильской Империи случилось в 1835 году в Сан-Сальвадора-Байя [4]. Восстание, решительно и радикально подавленное имперскими властями, не возымело успеха, однако заставило обратить внимание на его причины. Власти изъяли у бунтовщиков ряд документов, значение и содержание которых было им непонятно. Например, в период активного подавления восстания, рукопись с текстом «Сура аль-Кадр» из Корана была изъят в качестве трофея из одного из участников восстания. К середине 1830-х годов общие собирательные представления бразильской интеллигенции о Востоке были очень поверхностны, неглубоки, и их знания были крайне ограничены. Восстание стало толчком к росту интереса ко всему не бразильскому и африканским, что содействовало генезису бразильского ориентализма. Поэтому интеллигенция Империи начали разрабатывать свои собственные видения Ориента.

Этот интерес бразильских политических и культурных классов имел два уровня. Бразильские интеллигенция занялись изучением истории негров, и это стало началом систематических исследований черного населения Империи с социальной и культурной точки зрения. Интерес к Востоку в целом, его истории и религии был актуализирован в контексте выяснения причин восстания 1835 года. Этот процесс

развивался очень неравномерно, и история попыток бразильских интеллектуалов в XIX веке изучить Восток была наполнена многочисленными неудачами. Академическая традиция востоковедения в Бразильской Империи возникла не сразу после восстания 1835 года, а интерес к Востоку и Азии появился в контексте демографических изменений и роста числа неевропейских иммигрантов, прибывших в Бразилию во второй половине XIX века.

Ранняя история интереса к Востоку среди Бразильской интеллигенции не может быть определена как академическая. Ситуация в образовании и общий культурный климат в последней четверти XIX века были благоприятны для деятельности разного рода авантюристов, которые позиционировали себя как специалисты в восточных и азиатских языках, истории, литературе, современных и политических вопросах. Бразильский писатель Лима Баррету был среди тех авторов, кто отразил в своих текстах уникальный климат, в котором возникал интерес к Востоку в Бразилии. Рассказ Лимы Баррету «O homem que sabia japonês» («Человек, который знал японский язык» [2]) показателен в контексте зарождения и ранней истории формально неинституционализированного востоковедения в Бразилии. Главный герой рассказа, приятель Кастру, мелкий авантюрист, приехавший из провинции в Риу. Кастру никак не может найти постоянную работу, но в «Jornal do Comércio» он читает объявление о вакансии учителя японского языка [2]. Кастру, который не знал японского языка, решился на эту авантюру. Его знание японского языка ограничивались прочтением статьи в энциклопедии, знанием основных фраз и алфавита. В результате, Кастру получил работу учителя японского, обманул своего работодателя, и сделал академическую и дипломатическую карьеру, представляя Бразилию на Конгрессе востоковедов в Париже. Кастру также получил должность в Министерстве иностранных дел, когда выяснилось, что никто из служащих не знает японского языка. Кастру в финале рассказа превращается в признанного эксперта, с которым «консультировались лингвисты насчет местоимения в разных диалектах островов Зондского архипелага» [2].

Лима Баррету фактически отразил общие тенденции генезиса востоковедения, которые были характерны и для других западных стран, где деятельность различных

авантюристов, которые использовали интерес образованных классов к Востоку, предшествовала академическому востоковедению. Активные авантюристы стимулировали интерес к Востоку, и данный интерес был формой воображения, который инициировал начало новой изобретенной традиции, но эта традиция была слишком далека от более поздних академических традиций. В этом контексте изобретенная традиция представляет собой «...набор практик, как правило, регулирующих открыто или негласно принятым правилам и имеющими ритуальный или символический характер, направленных на привитие определенных ценностей и норм поведения путем повторения, которое автоматически подразумевает преемственность с прошлым. В самом деле, где это возможно, они обычно пытаются установить преемственность с подходящим историческим прошлым... Однако, поскольку есть такая ссылка на историческое прошлое, особенность “изобретенных” традиций заключается в том, что преемственность является во многом фиктивной. Короче говоря, они являются ответами на новые ситуации, которые принимают форму обращения к старой ситуации, либо которые устанавливают свое собственное прошлое путем квази-обязательным повторением...» [15, р. 1].

Эти научные методы и стратегии могут быть определены, как протоориентализм, поскольку они не обладали необходимым набором символических ритуалов и практик. Период искателей приключений в интеллектуальной истории бразильского востоковедения был короток, но эти авантюристы стали предвестниками научного и академического востоковедения. Востоковедение в Бразилии, как и в других странах, где эта сфера гуманитарных наук была институционализирована в академических формах, может восприниматься как «изобретенная традиция». Современные бразильские авторитетные востоковеды, как и их европейские коллеги, имеют в качестве своих исторических предшественников тех, чья деятельность не имела ничего общего с каноном современной академической историографии.

Выводы. Генезис востоковедения в Бразильской Империи имел свои особые и уникальные культурные и социальные основания и корни. Появление академического востоковедения отличалось от аналогичных процессов, проходивших в Европе. Европейские академические традиции востоковедения

возникали в контексте контактов и отношений западных колонизаторов и колонизированной восточной культурой, социальными и политическими жертвами Европейской колонизации. Бразильская империя не имела развитых колониальных традиций. Генезис востоковедения стимулировалась внешними факторами. Востоковедение в странах Западного полушария было вторичным, поскольку эти исследования стимулировались внешними интеллектуальными и культурными влияниями. Западная Европа в этом контексте была посредником, который познакомил Америку с Востоком: артефакты и ценности восточного происхождения были завезены в Америку из Европы. Научные стратегии и практики, основанные на мошенничестве, были крайне сомнительны с моральной и этической точки зрения. Генезис востоковедения в Бразилии протекал в принципиально иной культурной и интеллектуальной обстановке. Роль религиозного фактора была минимальной. Местные интеллектуалы и авантюристы стимулировали интерес представителей образованных классов к изучению восточной проблематике. Ориентализм в Западном полушарии был вторичен в отношении более успешных европейских версий и форм воображения и изобретения Востока. Бразильское востоковедение не было сформировано как взаимодействие между колонизаторами и колонизированными, став совокупностью культурных, научных и социальных размышлений о европейском колониальном опыте на Востоке и Азии. Раннее бразильское востоковедение развивалось как «изобретенные традиции».

Эта модель генезиса востоковедения не является предосудительной: фальсификации не были постыдными потому, что научные сообщества не были консолидированы, а их представители еще не были знакомы с нормами научной этики. Институционализация востоковедения привела к пересмотру его ранней истории, когда академический канон находился в периоде становления. Некоторые факты ранней истории востоковедения были расценены как отрицательные и предосудительные, но деятельность мошенников и религиозных фанатиков стала важным этапом в генезисе западных собирательных образов Востока. Исследования истории востоковедения в контексте интеллектуальной истории и истории идей как коллективных «изобретенных традиций» будут неполными без обращения к ранней истории востоковедения,

основные моменты которой не соотносятся с современными научными правилами и нормами.

Библиографический список

1. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1983.
2. Barreto L. O Homem Que Sabia Javanês / L. Barreto. – Rio de Janeiro: Editora Civilização Brasileira, 1957 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.releituras.com/limabarreto_javanes.asp
3. Fleming K.E. Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography // The American Historical Review, 2000. – Vol. 105. – No. 4. – October. – P. 1218 – 1233.
4. Freitas D. Insurreições escravas. – Porto Alegre: “Movimento”, 1976.
5. Guichard S. Lettres de Bernardino Drovetti, consul de France à Alexandrie (1803 à 1830). – Paris: Maisonneuve e Larose, 2003.
6. Irwin R. For lust of knowing: The Orientalists and their enemies. – London: Penguin and Allen Lane, 2006.
7. Irwin R. Dangerous Knowledge: Orientalism and Its Discontents. – New York: Overlook Press, 2006.
8. Kontje T. German Orientalisms. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.
9. Lovejoy P. A escravidão na África. – Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2003.
10. Noble dreams, wicked pleasures: Orientalism in America, 1870–1930 / ed. H. Edwards. – Princeton: Princeton University Press, 2000.
11. Ridley R.T. Napoleon's Proconsul in Egypt: The Life and Times of Bernardino Drovetti. – NY: Rubicon Press, 1998.
12. Said E. Culture and Imperialism. – New York: Vintage Books, 1993.
13. Said E. Orientalism. – New York: Pantheon Books, 1978.
14. Seita G., Papas V. Bernardino Drovetti, storia di un piemontese in Egitto. – Aosta: Le chateau edizioni, 2008.
15. The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge University Press, 1983.

Экономические взаимоотношения Аргентины и Испании в XXI веке

Автор анализирует экономические изменения, происходящие в отношениях Испании и Аргентины в XXI веке. Особое внимание уделяется процессам национализации аргентинским правительством крупных испанских компаний. Так же значительное внимание уделяется и инвестиционной привлекательности Аргентины для испанских инвестиций. Выявлен ряд факторов, способствующих привлечению иностранного капитала. Кроме того, в статье рассматриваются перспективы экономических отношений при правительстве нового аргентинского президента Маурисио Макри.

Ключевые слова: экономика, национализация, иностранные инвестиции, инвестиционная привлекательность, Аргентина, Испания

The author analyzes the economic changes taking place in the relationship of Spain and Argentina in the XXI century. Particular attention is paid to the processes of nationalization of the Argentine government of major Spanish companies. Also, considerable attention is paid to the investment attractiveness of Argentina for Spanish investment. The author deduced a number of factors contributing to the attraction of foreign capital. Moreover, the prospects of economic relations with the new government of Argentine President Mauricio Macri are discussed in the article.

Keywords: economy, nationalization, foreign investment, investment attractiveness, Argentina, Spain

В начале XXI века Аргентина пошла по конфликтному пути с Испанией, в 2006 году она уже национализировала компанию Aguas Argentinas, отвечающую за водоснабжение. Компания контролировалась французской фирмой Suez и испанской Aguas de Barcelona, которые обратились в международный арбитраж.

А в 2008 году аргентинское правительство национализировало Aerolineas Argentinas, компанию, отвечающую за авиаперевозки. Компания принадлежала испанской группе Marsans, которая получила символическую компенсацию в размере одного песо.

Решение правительства Кристины Фернандес де Киршнер об экспроприации основных аргентинских активов Repsol с самого начала носило интернациональный характер. Это нашло отражение на всех уровнях: двустороннем (отношения с Испанией), региональном и мировом. Другими словами, возвращение YPF под национальный контроль стало резонансным политическим актом, а конфликт Буэнос-Айреса с испанской компанией моментально приобрел международное значение и привлек к себе внимание мировой общественности.

Предшествуя конфликту, президент Аргентины Кристина Фернандес призывала нефтяные компании реинвестировать свою прибыль в Аргентине, чтобы увеличить производство топлива и сократить импорт.

Потеря аргентинских активов явилась тяжелым ударом по финансам и репутации Repsol – одной из знаковых и системообразующих испанских бизнес-структур. Экспроприация означала утрату Repsol 33,7% капитала, обширных нефтегазовых месторождений, значительных добывающих и перерабатывающих мощностей, транспортных сетей, 1600 заправочных станций, многих объектов недвижимости и 21% чистой прибыли[1].

Тем ни менее, этот конфликт уже исчерпан. В 2014 году Аргентина предложила Испании выплатить неустойку за экспроприированную компанию в размере 5 миллиардов долларов. Хотя первоначально испанская компания настаивала на компенсации в размере 10 миллиардов долларов[2]. В соответствии с достигнутой договоренностью, стороны отказываются от любых судебных претензий и новых требований в адрес друг друга.

К тому же, экспроприация в Аргентине послужила опасным прецедентом, поскольку примеру Буэнос-Айреса могут последовать другие латиноамериканские страны, где активно действуют испанские компании и банки. Грозит повториться волна национализаций, уже прокатившаяся по региону. Между тем Латинская Америка занимает особое место в зарубежной экспансии испанских ТНК, вложивших в регион свыше 200 млрд. долл. прямых инвестиций и получающих здесь весомую часть валовой прибыли. Многочисленные филиалы иберийских компаний превратились, в своего рода заложников, чья судьба отчасти зависит и от того, какую позицию займет Мадрид в вопросах урегулирования имущественных споров хозяйствующих субъектов.

В последние годы (особенно в период мирового финансового кризиса) в отношениях между Испанией и Латинской Америкой произошли значительные изменения в соотношении сил и стратегических потенциалов не в пользу Испании.

У Аргентины есть все базовые условия для серьезного и устойчивого экономического роста на перспективу. Она привлекательная не только своими природными богатствами,

но и относительной политической и экономической стабильностью, а также лояльным законодательством по отношению к инвесторам. Сильных сторон, в основном в экономике, у Аргентины значительно больше, чем слабых. Возможностей несколько меньше, чем угроз. Но вероятность проявления некоторых угроз неоднозначна. Можно сделать вывод, что Аргентина является привлекательной для иностранных инвестиций, динамично развивающейся страной.

Для того, чтобы сделать страну еще более привлекательной для инвестирования Аргентине необходимо придерживаться следующей стратегии: во-первых, ограничить доступ новым западным ТНК на национальный рынок, по возможности, снизить количество ТНК, уже занимающих часть национального рынка. Развитие малого бизнеса здесь будет играть важную роль. Во-вторых, укрепление партнерства с Испанией позволит увеличить рынок сбыта, а вместе с тем и скорректировать внешнеторговый баланс.

Таким образом, Аргентина остается привлекательной страной для иностранных инвесторов не только своими природными богатствами, но и относительной политической и экономической стабильностью, широкими возможностями для диверсификации бизнеса, а также лояльным законодательством по отношению к инвесторам.

Несмотря на размолвку, произошедшую между Аргентиной и Испанией, Аргентина является привлекательной страной для прямых иностранных инвестиций. Некоторые отрасли экономики Аргентины всегда привлекали испанских инвесторов и будут привлекать. Аргентина до сих пор является одной из ведущих государств по объему приобретенных от Испании инвестиций. Основными сферами приложения испанского капитала в Аргентине являются: нефтегазовый сектор, транспортный сектор, банковский сектор и телекоммуникации[3].

Ещё одним доказательством привлекательности Аргентины для Испании является тот факт, что, несмотря на конфликт, произошедший из-за испанской дочерней компании Repsol-YPF, это не отпугнуло испанских инвесторов из других отраслей аргентинской экономики.

Внешняя торговля Испании, несмотря на ряд способствующих ей факторов, занимает весьма скромное место в отношениях с государствами латиноамериканского региона.

Их доля в испанском экспорте в течение последнего десятилетия практически не менялась, оставаясь в пределах 5 – 7%. Основными контрагентами по экспорту являются Мексика, Аргентина, Бразилия, Венесуэла и Чили.

Латиноамериканский регион остается, прежде всего, рынком сбыта готовой продукции традиционных для Испании отраслей: общего машиностроения, химической и металлургической промышленности, однако отметим, что постепенно увеличивается испанский экспорт технологически сложной наукоемкой продукции.

При правительстве Маурисио Макри для Испании открываются новые перспективы, так как политика Макри отличается большей готовностью к сотрудничеству, открытостью, отсутствием тенденции к изоляционизму и гарантией юридической защищенности для иностранных инвесторов. Это гарантирует, что испанские компании продолжат развивать деятельность в Аргентине, как они это делали даже в трудные времена такие, как экономический и социальный кризис, который поразил южноамериканскую страну в 2001 году. Несмотря на уход испанской энергетической компании Repsol с аргентинского рынка, Испания остается вторым по величине инвестором в Аргентине, а если бы не было экспроприации, то, очевидно, была бы первым.

Кроме того, открывается новая эра не только в двусторонних испано-аргентинских отношениях, но и в отношениях между двумя экономическими блоками: ЕС и МЕРКОСУР. Аргентина и Испания являются связующими звеньями между двумя континентами в ведении переговоров о заключении соглашения о свободной торговле между МЕРКОСУР и Европейским Союзом.

Кроме того, Аргентина вновь стала представлять стратегический интерес для Вашингтона. США хотят распространить свое влияние на Латинскую Америку, и Аргентина может оказаться одним из ключевых союзников. А для Аргентины важным остается вопрос о том, сохранится ли интерес США в союзе после ухода с поста президента Барака Обамы и какие экономические выгоды это может принести.

Также аргентинским правительством возлагаются надежды на то, что союз с Вашингтоном может помочь в вопросах реструктуризации долга, способствовать частичному вхождению Аргентины в Транстихоокеанское партнерство

и открыть начало переговорам о заключении торгового соглашения между США и Южноамериканским общим рынком.

Библиографический список

1. Cabot. D. El crudo balance de YPF: radiografía de la principal empresa de la Argentina ahora bajo intervención estatal./ D. Cabot. – La Nación, 22.04.2012.
2. Официальный сайт Министерства экономики и государственных финансов Аргентины [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.proargentina.gov.ar/> – (Дата обращения: 28.11.2015).
3. William Chislett: Spanish Direct Investment in Latin America: Challenges and Opportunities [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.realinstitutoelcano.org

АВТОРИТАРНЫЙ ОПЫТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Роман Тыса

Пиночетофилия

Источник: Тыса Р. Українська ідеологія. Частина 2. Піночетофілія / Р. Тыса [Електронний ресурс]. – URL: <https://vpered.wordpress.com/2015/11/02/tisza-pinochetophilia/> Перевод с украинского А.Я. Богдарь

Покойный «верховный вождь нации» не даёт покоя украинским политикам и интеллектуалам[1]. Он разжигает их воображение, возможно даже снится им. Они бредят Пиночетом, строгим, но справедливым отцом капитализма, спасителем от хаоса, экономического кризиса, коррупции, от чего угодно - даже от коммунистической катастрофы. Именно спасителем кажется чилийский политик Виктору Каспруку, автору заметки «Чили-1973: как страна избежала коммунистической катастрофы» для «Українського тижня»[2]. Этот текст небольшой, но знаменательный-как богатством метафор [«открытие шлюзов к коммунизму»], удивительной образностью[«власти людей, на плечах которых никогда не было погон»] и глубиной исторического знания[«в 70-х началось возрождение экономики страны»], так и изобретательностью по защите военной диктатуры [«возможно что его стремления изменить Чили на лучшее не всегда отвечали стандартам принятых мировых демократических норм, но он также есть ответственным за создание цивилизованной нации»]. Хотя образное «Приветствую, вождь!», адресованное Пиночету, стыдливо спрятано за попытку изучить события 40-летней давности, «с точки зрения исторической правды и исторической справедливости», правды и справедливости у историка нет.

Например, Каспрука возмущает, что «в советское время весь информационный поток относительно событий в Чили имел однозначное направление и трактовку, в результате чего вырисовалась вполне однозначная картина. Законно избранный народом президент герой-мученик Альенде с одной стороны и кровожадный диктатор генерал Пиночет с противоположной, честные и прогрессивные устремления чилийского народа и в противовес им низкая алчность мирового капитализма».

Каспрука возмущает чужое «однозначное направление» - своего же предвзятого отношения он не замечает. Пишет так, как будто сегодня « в украинское время», пропаганда предлагает сложную картину событий. Где он это видел? У кого? Где эти шедевры исторической живописи и мастера кисти? Покажите их! Сам Каспрук не из таких, поскольку воспроизводит – сколько может, конечно-«информационный поток однозначного направления», как в СССР, только в зеркальном, как бы сказать, отображении: в нем законно избранного президента – мученика [который действительно погиб, отстаивая собственные принципы и право на достойную жизнь для многих] переделано на безответственного экспериментатора [«довел экономику Чили до состояния неминуемого кризиса»] и чемпиона произвола [«произвольно трактовал законы и права человека»], а кровожадного диктатора [который установил режим, который замучил тысячи людей и поломал судьбы сотням тысяч] – на специалиста-экономиста [«возрождение экономики страны»] и просто-таки создателя «цивилизованной нации». Такая неоднозначная картина получается «с точки зрения исторической правды и исторической справедливости» у рекламного агента, который под видом «возрождения экономики страны» и «создания цивилизованной нации» восхваляет совсем другой товар-оккупацию страны собственной армией, заоблачное обогащение кучки «избранных», обнищания остальных, культурную убогость и повсеместный страх. Товар, к слову, не его; сам Каспрук лишь разнорабочий умственного труда, «говорящая голова» существующего строя. Поэтому на мысль приходят слова Никиты Шаповала, как будто написанные про Каспрука и ему подобных: «интеллигенция должна трудиться над оправданием капитализма и эксплуатации, и она страшно занята этой работой, делая это «не за страх, а за совесть», и что самое интересное при этом - разрывается от крика, что она природный благодетель для народа, что она- проводник народа, его «представитель» и при случае естественная власть над ним».[3].

Итак, заметка Капрука, пусть не свежий, но типичный, можно сказать, образцовый случай своеобразной болезненной влюбленности в диктаторский режим-пиночетофилии. Публицист стремится распространить сведения о предмете своей ревностной влюбленности среди как можно более

широкого общества, засим рьяно подтравливает общество. А то, будучи не переборчивым, считает фальсификат целебным напитком.

Начинает Каспрук не с Пиночета, а с Альенде [что хронологически правильно]. Благодаря ему узнаем, что «Альенде и дальше остается в Чили довольно дискуссионным лицом. Одними чилийцами он рассматривается чуть ли не как герой, другие осуждают его за провоцирование военного переворота». Сразу, в первом абзаце, украинский прокурор, исходя из собственного представления о состоянии общественной мысли в чужой стране, ставит вопрос вины и тут же его решает: вина за ужасы военного переворота и дальнейшего режима положена не на мятежников, а на их жертвы. Все очень просто: это не военные - под руководством Пиночета - спланировали и осуществили переворот, это Альенде их спровоцировал. Именно так, как привлекательная девушка провоцирует насильника, а беззащитный пенсионер-грабителя. Сами виноваты! Обращаю внимание не только на сам недостойный прием перекладывания вины на жертву, а и на то, что с такой оценкой событий прошлого не соглашаются – какая неожиданность в Чили. Если политика Альенде и правительства Народного единства еще является противоречивой, то насчет Пиночета общественное мнение почти единодушное: три четверти опрошенных чилийским Центром исследования современного общества [CERC] накануне 40-й годовщины военного переворота назвали Пиночета диктатором, и только 9% видят в нем одну из величайших фигур чилийской истории [4]. Согласно того же опроса, 55% чилийцев считают 17 лет диктатуры не стоящими доброго слова, а с удовольствием говорят о них снова только 9%. Показательным является случай, какой имел место во время прощания с телом бывшего диктатора в декабре 2006-го года. Внук генерала Пратса, предшественника Пиночета на должности главнокомандующего армии, Франсиско Куадрадо Пратс плюнул на выставленный в часовне труп [деда Пратса подорвали по приказу Пиночета вместе с женой в автомобиле в Буэнос-Айреси]. Однако, какие нашему пиночетофилу хлопоты, что ему мнение чилийцев? Он знает лучше за них: Альенде – главный провокатор.

Выяснив, что действующие лица переворота невиноваты, можно оправдывать сам акт переворота: «сейчас, когда со

времен этих трагических событий прошло уже так много времени, возможно немногие помнят о том, что меньше чем за месяц до военного переворота чилийская нижняя палата проголосовала за резолюцию Acuerdo de la Camara de Diputados – об устранении Альенде от власти. «За» неё проголосовал 81 депутат, и только 47 «против». Таким образом, народ через своих демократически избранных представителей, требовал прекратить над ним коммунистические эксперименты». Альенде же – просили по-хорошему: уйди! А он не ушел. Вот только забывает знаток демократических процедур, что Альенде избрали президентом не «демократически избранные представители, [его не в парламенте назначили президентом], а непосредственно народ, путем прямого тайного голосования, то есть даже более демократично, если бы за него проголосовали депутаты. Если же специалист по демократии намекает на импичмент, то нужно признать, что эта процедура требует не менее двух-третьих голосов сенаторов [верхняя палата Национального конгресса], а не депутатов [нижней палаты Национального конгресса]. Упомянутая историком «резолюция», это - так называемое «соглашение палат», утвержденное оппозиционным большинством в конгрессе 22 -го августа, в которой Альенде обвиняют в «нарушении законности» и призвали вооруженные силы не подчиняться приказам власти [5]. Она была утверждена простым большинством и не имела юридической силы. Всё равно удивительно, что президент, который «демонстрировал своё неуважение к основным демократическим принципам», не расстрелял конгресс из танков. Дальше хотелось бы спросить, что означает «народ... требовал прекратить над ним коммунистические эксперименты»? Написано так, будто бы речь не о признанном и заслуженном политике, а о нацисте-беглеце - бывшем концлагерном враче или инопланетянине-садисте. Альенде же не с Марса прилетел. Он был опытным и известным политиком: был министром охраны здоровья в правительстве Педро Агирра Серда [1939-1942], четыре раза избирался в сенат [1945, 1953, 1961 и 1969] и был его президентом [1966-1969]. До 1970-го года был участником трёх президентских выборов [1952, 1958 и 1964]. Его «экспериментальная» программа избирателям была знакома, и голосовал народ за него и эти «эксперименты» осознанно. Еще в 1940-х Альенде внёс законопроект о создании

общенациональной системы медицинского обслуживания – первой в западном полушарии, в том числе в США [6].

Тем более, «коммунистические эксперименты» проводил и предшественник Альенде на президентском посту - Эдуардо Фрей. Проводил, правда, своеобразным способом – нерешительно, для отвода глаз, не реформы проводил, а пар из социального чайника выпускал. Скажем, в рамках аграрной реформы за шесть лет, с 1964-го по 1970-й было экспроприировано 1408 больших имений [площадью 80 га и более], а это составило лишь третью часть от обещанного в предвыборной программе. Дальше, обещал, но не ввёл, прогрессивную шкалу налогообложения доходов физических лиц, поэтому главным источником поступлений в бюджет остались не прямые налоги, что тяжелым грузом легли на плечи малоимущих слоёв населения [7].

Значит, спрос на «коммунистические эксперименты» в обществе был и Альенде, как мог, пытался его удовлетворить.

Интересно, как выступления Каспрука в защиту военного режима и его метод спасения от «коммунистической катастрофы» почти слово в слово повторяют заявления самих чилийских военных, будто бы их написали в одном пропагандистском подразделении. Вот что сорок лет тому назад говорил член хунты, командующий военно-воздушными силами генерал Густаво Ли Гусман: «Франция лежит в руинах, к власти в ней почти пришли марксисты; Италия переживает часы беспорядка, где никто ничего не понимает; Англия запуталась в социализме, который никто не понимает. Мир бьётся в конвульсиях, экономический кризис и политическое противостояние обострилось до наивысшей степени. В противовес всему этому мы в далёком уголке мира имеем последнюю возможность, которую подарил нам верховный творец. Мы убеждены, что это, наверное последняя возможность для нашей страны. Правительство, очевидно, утратило все инструменты предотвращения прихода к власти марксистов. Вооруженные силы, будем говорить открыто, есть последняя надежда для Чили[8].

Вот интересное жонглирование цифрами: «Драматическая политическая ситуация состояла в том, что большинство чилийского народа не было согласно с превращением Чили в социалистическую марксистско - кубинскую модель государства. Другими словами, с самого начала почти 2/3

чилийских избирателей не хотели видеть Альянде на президентской должности». Автор смело превращает всех, кто не проголосовал за Альянде 1970-го года, на его противников, а самого Альянде – на братьев Кастро. Во-первых, «финалистов» президентских выборов было трое: Сальвадор Альянде [Народное единство, 1.070.334 голосов, 36,6 %], Хорхо Алессандро [Национальная партия, 1.031.159, 35,3%] и Радомиро Томич [Христианско-демократическая партия, 821.801, 28,1%] [9]. Если кто-то не голосовал за Альянде, это ещё не значит, что именно Альянде он считал наихудшим выбором для страны. Если придерживаться логики жонглёра, то можно утверждать, что «с самого начала 2/3 чилийских избирателей не хотели видеть на президентской должности Алессандро [ставленника крупного капитала]».

Во-вторых, если «с самого начала 2/3 чилийских избирателей не хотели видеть Альянде на президентской должности», как так случилось, что на муниципальных выборах в апреле следующего, 1971-го года 50,9% проголосовали за блок левых партий, возглавляемый президентом, которого «не хотели видеть» [10]? А на дополнительных выборах в парламент в марте 1973-го года- 43,4%[11]? В-третьих, как бы так сильно этого не желает Каспрук, Чили не повторило бы кубинский опыт просто потому, что была развитой, аграрно-индустриальной страной, в отличие от Кубы, что она как известно, перед революцией 1959-го года была не просто аграрной, а монокультурной страной-«сахарнотростниковой республикой».

«Собственно, если бы Сальвадор Альянде был избранным на президентскую должность в 1970 году более демократично, а не 36 процентами голосов избирателей, он бы, скорее всего, не демонстрировал своё неуважение к основным демократическим принципам», - пишет Каспрук так, как будто военные пришли к власти путём всенародного голосования, получив стопроцентную победу, а затем обнаружили необычайное уважение к демократическим принципам. Собственно, если Альянде был такой патологично авторитарной личностью, какой его изображает кабинетный мученик за демократию, то почему он вообще должен - после выборов - переживать за проценты, которые набрал? Если он был влюблённым во власть тираном-садистом [не забываем - «коммунистические эксперименты»!], его должна волновать

только победа и удержание власти. Какая связь между процентами и «неуважением к основным демократическим принципам»? Ну, был бы избран 99% голосов, и что?

Господин Ачтоздесьтакого продолжает оправдывать преступления военных и полиции, совершённых как в день переворота, так и после, при помощи приёма, что его детская непосредственность способна разжалобить сердце строжайшего судьи: он умышленно отделяет действие – продуманную, спланированную военно-политическую операцию - от её последствий. Он пишет: «Таким образом: нарушения прав человека, которые были совершены военной диктатурой позже, должны быть отделены от непосредственно военного переворота, который был широко поддержан подавляющим большинством чилийского общества». Я думаю, не стоит останавливаться на достигнутом. Нужно смело идти дальше – отделить не только военный переворот от дальнейших нарушений прав человека, а и сами нарушения – от нарушителей. Почему нет? Пусть нарушения заживут собственной судебной жизнью. Процесс над нарушениями! Свободу нарушителям! Под конец своей заметки юрист-новатор по сути так и делает, откровенно снимая с военных любую ответственность: «С другой стороны, нельзя не спросить: а могло ли быть иначе в условиях жестокой и бескомпромиссной войны идеологий, в которой были виноваты не Чили, а сверхдержавы в лице СССР и США?» Выходит, виноваты не Чили [то есть не Пиночет] – а СССР и США! Насчет беззастенчивого вмешательства правительства США в чилийские дела написано ниже, но к чему здесь СССР?

Наконец военные – эти спасатели демократии сбрасывают президента-диктатора во имя свободы и процветания многострадальной родины: «Президент Сальвадор Альенде, который произвольно трактовал законы и права человека, за годы своего правления привел экономику Чили к неизбежному краху. И когда много попыток решить вопрос его президентства мирным путем [через политические каналы] не сработали, то военные были вынуждены вмешаться и действовать так, как того требовал чилийский народ. Если бы этого не случилось, то в Чили сегодня всё было точно так, как на Кубе или Венесуэле». С этих слов выходит, что свергла Альенде пацифистская группа законопослушных членов «гражданского общества», а экономика Чили в последующие годы пережила

если не космический взлет, то заметное оживление. Написано так, будто военная хунта занималась исключительно правами человека. Не понятно только, откуда тогда 3.065 убитых и «пропавших без вести», 40.018 арестованных и истязаемых в тюрьмах [12] [и это только официально подтвержденные цифры]? А 500.000 эмигрантов [5% населения] [13]? И если военные действовали «так, как того требовал чилийский народ», выходит чилийский народ требовал массовых убийств и побега с родины.

Как видит состояние – и причина такого состояния вещей на Кубе латиноамериканист Каспрук, понятно: коммунистический ад, сплошной мрак, непередаваемый ужас. А что сегодня, то есть в 2013 году, не так в Венесуэле [«если бы этого не произошло, то в Чили всё сегодня было точно так, как ... Венесуэле»]? Что там нефтяные месторождения заросли травой? Воздух выдают по талонам? За чтение «Українського тижня» расстреливают на месте? Какой там «неизбежный крах»?

Поэтому не удивляет уже, что народ у этого причудливого журналиста приравнен армии: «военные были вынуждены вмешаться и действовать так, как того требовал чилийский народ». Вон как! Оказывается, только тот является «народом», кто в униформе, а кто в униформе, тот и «народ». Откровения, хотя и не открытие: две с половиной тысячи лет существовало одно подобное государство, и называлось оно Спарта. Похоже, что настоящим идеалом журналиста, который выдает себя за демократа, есть не демократия, а военно-аристократический режим, при котором большинство населения находится на правах крепостных и рабов [идеал этот интересен тем, что содержится в прошлом, то есть движения вперед и развития не предусматривает]. Если стать на эту точку зрения, не сбивает с толку тот факт, что не существует фотографий штурма президентского дворца гражданскими [хотя бы и барышнями, которые брали участие в «маршах пустых кастрюль»]. Нет фотографий, на которых превращенный в концлагерь Национальный стадион в Сантьяго охраняли «дружинники». Ведь народ, это-армия, поэтому вполне достаточно самих военных, а гражданские пусть сидят по домам. Правительственная хунта - вся из военных [по Каспруку, из народа]. За два первых года правления армией военные [по Каспруку, народные] расходы выросли до 535 млн.дол.США

[292 млн. в 1972 [14]]. Численность вооружённых сил [по Каспруку, народа] выросла с 110.000 в 1973-ем до 165.000 в 1982-ом [15]]. Прекрасно! Чилийский народ требовал больше танков и он их получил!

В общем, первое предложение « президент Сальвадор Альенде, который произвольно трактовал законы и права человека, за первые годы своего правления привёл экономику Чили к неминуемому краху» демонстрирует большую способность правозащитника-экономиста видеть чёткую причинно-следственную связь там, где кто-то другой увидел бы чушь [а заодно показывает ловкость историка при выполнении своего коронного номера - оправдание переворота и дальнейшего установления военного режима]. Во-первых, правозащитник пишет, что Альенде «который произвольно трактовал законы и права человека», и поэтому « привёл экономику Чили к неизбежному краху». То есть, когда Альенде « произвольно трактовал законы и права человека», он вел « вёл экономику Чили к неизбежному краху». Однако, когда «режим Пиночета прославился массовыми нарушениями прав человека [то есть делал то, что Каспрук закидывает правительству Альенде], то тем обеспечил «возрождение экономики страны». Во-вторых, экономист утверждает, что Альенде « привёл[!] экономику Чили к неизбежному [!] краху». Возникает вопрос: если крах был неизбежным, тогда при чём здесь Альенде? Именно в этом пункте про неизбежность краха я хочу с историком согласиться, конечно, с определенными оговорками, а именно: крах экономики Чили - без изменения экономического базиса и слома экспортной зависимости был неизбежен [что убедительно демонстрировали годы правления пиночетовских «военных экономистов»].

Замедление темпов роста чилийской экономики началось задолго до прихода к власти правительства Народного единства. В 1964 году увеличение составило 1,6%, в 1965 – 2,4%, в 1966 – 4,6%, в 1967 - 0%, в 1968 – 0,6%, в 1969 – 1%, в 1970 – 0,7%. [16]. В 1964 году индекс потребительских цен увеличился на 38%, в 1966 году темп роста замедлился до 17%, но в 1970 году индекс цен снова подскочил на 35% [17]. Внешняя задолженность Чили увеличилась с 600 млн. дол. США в 1960 году до 3 млрд. дол. в 1970 году. Это при том, что цены на медь [главный продукт экспорта и источник 75%

валютных поступлений] в 1964-1970гг. выросли на 45% на лондонском рынке и на 81% в Нью-Йорке [18].

Правительство Альенде – в условиях падения цены на медь на 35% [за один год: с начала 1970-го года до января 1971-го], нехватки иностранных инвестиций и кредитов – смогло к маю 1971-го года увеличить объемы промышленного производства на 17% по сравнению с предыдущим годом. Выросла занятость: в большом Сантьяго безработица сократилась с 8,3% декабря 1970-го года до 5.2% июня 1971-го года, а в декабре 1971-го года уровень безработицы составлял уже 3,8%. Индекс потребительских цен сократился с 35% 1970-го года до 22% 1971-го. Произошел заметный сдвиг в перераспределении национального дохода: часть в нём тех, кто получал заработную плату [то есть наёмных работников], увеличилась с 54% 1970-го года до 59% 1971-го. Много бедняков впервые в жизни смогли позволить себе покупать мясо. [19].

Возможно, «неизбежным крахом» экономист называет национализацию горнодобывающей, автомобильной и приборостроительной промышленности, национализацию банков, состоявшейся в Чили в 1971году? Если так, то его устами говорит сама буржуазия, ведь для неё любая экспроприация частной собственности, переориентация средств производства с непрерывной аккумуляции капитала на удовлетворение общественных потребностей [в данном случае при посредничестве государства], то есть прекращения для неё возможности эксплуатировать чужой труд и получать сверхприбыль, всегда означает экономический крах. Для буржуазии экономика, это – только капиталистическая экономика, а всё, что противостоит хозяйству, основанному на частной собственности на средства производства, всё, что выдвигает такому хозяйству альтернативу обобществления, это – ужас, крах, кошмар. Личный экономический крах этот класс, что всегда есть меньшинством общества, пытается представить обществу, как крах большинства, крах экономики, крах самого общества. Одновременно, увеличение собственного богатства он помпезно называет «возрождением экономики» или даже «экономическим чудом», и это правдивое чудо – кучка бездельников живёт лучше массы рабочих.

И насколько « произвольно трактовал законы и права человека» Альенде или его товарищи? Интересно, чтобы это

могло значить, ведь известно, что за время правления власти Народного единства никого не расстреляно за саботаж, не отправлено в тюрьму за забастовку, не побито за антиправительственные настроения или публичную критику: продолжала выходить печатная оппозиционная пресса, в частности крайне правая газета «Меркурио» [интересно, что когда к власти пришли военные, они закрыли все печатные издания, кроме «Меркурио» и такой же правой «Терсера де ля ора»].

Каспрук не рискует рассказывать об экономической политике Альенде языком цифр. И правильно делает – цифры, как уже показано и будет показано дальше, соврать не дадут. Тем то вместо экономики он, как правдивый педант, на протяжении пяти абзацев обсуждает второстепенный вопрос – выясняет, либо убили Альенде, либо он сам застрелился, и если убили, то кто. «Смерть Альенде в Советском Союзе выдавали за убийство от рук военной хунты. Абсолютно другие факты приводит американский исследователь Виктор Вольский, пользуясь материалами, которые опубликовал в своей книге «Cuba nostra...» известный специалист по Латинской Америке, французский журналист Ален Аммар» и др. Ура! Наконец раскрыты все кубинские тайны! Теперь, благодаря кубинознатоку и его популяризатору мы знаем всю правду. Самое главное, что от непосредственного свидетеля. Только фотографий не хватает. В упомянутой книге наверняка и соответствующие фотографии есть? Могли же за сорок лет они появиться. А еще за сорок и съемки «скрытой камерой». На самом деле, если уже зашло за это, давно известно, что Альенде покончил жизнь самоубийством [20]. Тайною это остаётся только для здешних пиночетофилов.

Бросается в глаза отчаянная попытка произвольно совместить несвязанные утверждения, которые пытаются соединить с помощью союза «но» и наречия «потому». Почему одно выплывает из другого, понимает разве что сам автор. «Ярый противник левых взглядов, Пиночет брал активное участие в борьбе с Коммунистической партией, которая набирала популярность в Чили. Но, как добросовестный военный, против мнения власти старался не идти». – Как Пиночет «брал активное участие в борьбе с Коммунистической партией» стараясь «против мнения власти ...не идти», когда в стране осуществлялся «коммунистический эксперимент»? Как

«добросовестный военный» говорите? А может как конформист, как осторожный карьерист, что ждет подходящего момента? Вывод пиночетофил делает справедливый: «Видимо именно поэтому в 70-х, когда власть в Чили находилась в руках левого правительства Сальвадора Альенде, Пиночет стал генералом». Действительно, именно потому, что был приспособленцем и умел помалкивать. И прекрасная характеристика нравственного облика дивизионного генерала: «В 1973 году он занял пост главнокомандующего и, как отмечают, не в последнюю очередь потому, что Альенде считал: Пиночету можно доверять. Однако уже через несколько месяцев Августо Пиночет возглавил вооруженный переворот». «Добросовестному военному» доверяли, а он ударил в спину. Героический поступок! И продуманный заранее: после путча 11 сентября 1973-го года Пиночет вспоминал, что уже 13 апреля 1972-го года в генеральном штабе под его руководством проанализировали возможность осуществления антиправительственного переворота [21].

Историк продолжает расследование и находит главного виновника военного переворота: «Во многом масла в огонь подлил и визит кубинского лидера Фиделя Кастро в Чили. Это случилось в самое напряженное для Альенде время, когда президент пытался успокоить политические страсти, разгоревшиеся в стране. Целых три недели Кастро триумфально разъезжал по Чили, игнорируя призывы чилийских министров вернуться домой». Вот, оказывается, кто злодей- Кастро. Иностраный политик в ноябре 1971-го года посетил Чили с официальным визитом - не военную базу строил или центр пыток, не насиловал местных барышень, не торговал наркотиками в детских садах, а игнорировал «призывы чилийских министров». Какой нахал! Коварный подстрекатель!

Защитник парламентской демократии пишет: «Фидель Кастро на все лады расхваливал радикальные шаги своего режима, нападал на парламентскую демократию и агитировал за марксистскую революцию». Очевидно, чтобы понравиться этому демократу, кубинский революционер должен призывать к государственному перевороту, установлению военной диктатуры, террора против несогласных с властью, «шоковой терапии» в экономике [инфляции, обесценивание сбережений, безработица, распродажа прибыльных государственных

предприятий, уменьшение налогов для богатых, неравномерного перераспределения национального дохода между различными слоями населения, расширение пропасти между богатыми и бедными, вытеснения большинства населения на обочину экономической, общественной и политической жизни]. Со статьи Каспрука вообще выходит, что решающим было вмешательство только лишь одного иностранного государства – Кубы, но это неправда. Не кубинское правительство, а правительство США пыталось сначала не допустить победы Альенде на президентских выборах, а когда тот победил, президент США Ричард Никсон приказал Центральному разведывательному управлению начать в Чили тайные операции [22]. Их цель, сформулированная Никсоном: «Как можно сильнее надавить на правительство Альенде, чтобы предотвратить его укрепление и ограничить его способность проводить политику вопреки интересам США и западного полушария» [23]. ЦРУ спешно выполнило приказ. Очень быстро 360 тыс. дол. США было ассигновано на операции по дискредитации Альенде и подрыва его правительства, в том числе на подкуп членов чилийского конгресса [чтобы те блокировали правительственные инициативы, а «народ, через своих демократично избранных представителей, требовал прекратить над ним коммунистические эксперименты»] [24]. В середине сентября 1970-го года – за месяц до утверждения результатов выборов в чилийском конгрессе – ЦРУ уже подготовило первый план государственного переворота, который должен был состояться до инаугурации новоизбранного президента [25]. Тогда же начался поиск кандидатов в «вожди нации» [26]. Этого не успели сделать в сентябре 1970-го года, но работа продолжалась. Чтобы подорвать платежеспособность Чили, правительство США доказывало международным банкам, что предоставлять ссуды правительству Альенде не надо. Доказывало весьма убедительно: за три года своего правления правительство Народного единства смогло позаимствовать на мировом финансовом рынке только 65 млн. дол. США [для сравнения: за первые два года при власти хунта получила от Мирового банка, Международного валютного фонда, Межамериканского банка развития, правительственных и частных финансовых учреждений Запада больше 2 млрд. дол.] [27]. Однако доллары в Чили попадали. Правда в другие руки:

больше 1,5 млн.дол. ЦРУ передало через чилийского миллионера Агустина Эдвардса Истмана и его газету «Меркурио» деловым ассоциациям, общественным организациям и военизированным формированиям [таким, как неофашистская «Патрия и либертад» - «Родина и свобода»] на устройство протестов, саботажа и терроризма против правительства Альенде [28]. Эти деньги помогли чилийской оппозиции, то есть чилийской крупной буржуазии, оказывать сопротивление общественным преобразованиям и развязать в стране гражданскую войну: её последним актом стал путч 11 сентября 1973-го года [29].

Возмущает демократа всё – даже то, что правительство Народного единства проводило не кулуарную политику, а публичную политику: «Его чилийские последователи громко обсуждали проекты полной экспроприации капиталистической собственности, установление так называемого «народного правосудия» и формирование «демократичной армии». Заметим: «громко». То есть открыто говорили о своих планах и предлагали обсудить их обществу.

Читаем у Каспрука: «В течение всего срока своего правления Аугусто Пиночет не переставал называть себя патриотом. Человеком, который спас страну от хаоса и от коммунистической угрозы. В 70-х годах многие чилийцы придерживались такой же точки зрения. Именно тогда началось возрождение экономики страны, а в жизнь людей вернулась, казалось стабильность». О, это волшебное слово «стабильность»! где-то я его уже слышал... Действительно в первые годы военной хунты промышленное производство стабильно ... падало: период с 1973 по 1976гг. отметился «ростом» ... -5% - -25% [от минус пяти до минус двадцати пяти процентов] в зависимости от года [30].

В первый год правления военной хунты катастрофически уменьшился выпуск товаров широкого потребления, в частности выпуск всех печатных изданий [книг и периодики] упал на 40,3%, напитков – на 19,7%, одежды – на 16%, мебели - на 14,9%, бытовой электротехники – на 10,7% [31]. Чилийский эскудо девальвировал на 1200% [32]. Инфляция за первый год правления хунты составляла не менее 611%; за первые два года, по официальным данным самой хунты, индекс цен вырос в 91 [девяносто один] раз, а хлеб, например, вообще подорожал в 227 [двести двадцать семь] раз! За тот же самый

период официальный прожиточный минимум подняли лишь в 10раз. По официальным данным, реальная заработная плата за десять месяцев, с сентября 1973-го года по июль 1974-го, упала на 29% [33]. Потребительская корзина из 45кг хлеба, 45л молока и 100 автобусных билетов [необходимых, чтобы добраться к работе] в Сантьяго стоила 17% минимальной месячной зарплаты работника государственного сектора в сентябре 1973-го года, а уже в июле 1975-го года – 73%. Не удивительно, что продажа автобусных билетов в Сантьяго упала до 32% от «нормального» количества [34]. Размер минимальной зарплаты упал даже ниже уровня прожиточного минимума.

Интересно, какой Альянде мешал экономистам развивать хозяйство – пусть даже только в интересах узкого круга правящей верхушки [чем они в принципе и занимались] – в годы после переворота? Не иначе как «тяжелое наследство чилийского социализма». Но не может оно быть таким тяжелым – при власти Народное единство было всего лишь три года. Хунта - учитывая её методы – должна была исправить ситуацию за год-два. Однако в течение всего правления хунты [1973-1990] темп роста чилийской экономики, если она таки росла, постоянно отставал от темпов таких стран Латинской Америки, как Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика [35]. Девальвация национальной валюты - сначала эскудо, а потом и песо – против дол. США за 1973-1990гг. составляла 105.600 [сто пять тысяч]% [36]! Еще одно большое экономическое «достижение»: 17,6% безработицы в период с 1976 по 198гг. [звездный час «чикагских мальчиков»] [37]. Это вам не Альянде [3-8% в зависимости от года]. [38]. После подъема 1976-1981гг. [его причиной было совсем не развитие внутреннего рынка и отраслей производства, призванных удовлетворять потребности населения, совсем не стимулирование спроса внутри страны, а оживление конъюнктуры на мировых рынках] в 1982 году экономика снова пережила крах, и валовый внутренний продукт уменьшился на 14,2%; по состоянию на середину 1980-х годов 45% чилийцев жили за чертой бедности [39]. Вот так «военной хунтой был создан специальный механизм контроля за инвестициями, которые поступали в страну, что позволило Чили благополучно миновать кризисные для Латинской Америки 80-е годы»: 45% чилийцев в 1980-е «благополучно» оказались за чертой бедности.

За двенадцать первых лет «возрождения экономики страны», то есть с 1973-го по 1985-й, расходы на медицину сократились вдвое, а уровень потребления 20% беднейшего населения Сантьяго уменьшился на 30%; одновременно уровень потребления 20% богатых вырос на 15% [40]. В последние годы Пиночетовской диктатуры доходы 10% самых состоятельных землевладельцев выросли на 90%, а часть 25% беднейших крестьян в совокупном доходе, продуцируемом в сельское хозяйство, упала с 11% до 7% [41].

За два года прихода военных к власти осуществилась одна заветная мечта всех «патриотов»: приватизация. По состоянию на сентябрь 1975-го года предприятия, которые находились в государственном управлении до путча, 220 было возвращено их бывшим собственникам, 26 были в процессе возврата, 56 были проданы, 59 были в процессе продажи, 69 готовились к продаже и лишь 20 должны были остаться в государственной собственности [42]. Часто предприятия продавали новым хозяевам за половину их реальной стоимости, прибыльные предприятия - по цене убыточных [43]. Вот что значит «создание привлекательных условий для иностранного капитала и определение стратегических целей развития всегда оставалось там прерогативой государства»: распродать государственное имущество или просто передать его без выкупа частным владельцам, лишь бы осуществили «возрождение экономики» своих, отдельно взятых семей. Что же до судьбы «рядового чилийца», то кто их там рядовых считал? Они – рухлядь против «стабильности», казарменной «стабильности». Их место – за чертой бедности.

Публицист выставляет чилийцев неблагодарными дураками: «Однако оппозиция режиму Пиночета существовала всегда. До середины 80-х левые партии снова начали набирать популярность. К протестам против действий власти присоединялись тысячи чилийцев». Генерал им экономическое возрождение принёс, а они ему – дулю. И дальше: «Судя по всему, Пиночет переоценил меру своей популярности в народе. В 1980 году его правительство объявило о принятии Конституции страны. В ней указывался срок проведения президентских выборов. Предусматривалось провести референдум о том, должен ли быть Пиночет единственным кандидатом на эту должность. На удивление самого генерала, народ высказался за альтернативные выборы. Какой демократ!

Удивляет, конечно, не так самовлюблённость президента, и то, что его популярность в Чили до сих пор переоценивает минимум один украинский публицист.

Не понятно, какую такую «моду» имеет в виду автор «Чили-1973», когда пишет: «Между тем, существовали ли в Чили объективные предпосылки для построения социализма с «чилийской спецификой»? Или успех Альенде на выборах был следствием «моды» на левизну, охватившую тогда Латинскую Америку? Если так, то насколько «мода» на политические идеи способна сосуществовать с реальной жизнью без ущерба последней»? Причем здесь «мода»? Хорошо, что хоть в кавычках: пиночетофил будто догадывается, что на самом деле ни к чему. Интересно, а волна революций, которая охватила не один, а три континента в 1900 – 1920-х, тоже была «модой»? А народы Африки, которые на протяжении более тридцати лет вели борьбу против колониализма и империализма, просто не хотели отстать от «моды»? А дальше Каспрук, ищущий причину выбора большинства чилийцев в пользу социализма, пишет о бедности и конфронтации с США: «Ведь Чили до 1970 года была никак не беднейшей страной, в отличие, например от Никарагуа, и не конфронтующей со сверхдержавой США, как это делала их соседка по региону Куба». А социалистические революции – революции, что выступают под девизом строительства социализма, - не всегда происходят в беднейших странах континента или мира. Вот вам примеры в придачу к Чили: Россия, Венгрия, Венесуэлла. Причём здесь Куба? Как можно сравнивать Чили до 1970-го года с Кубой после 1959-го, после победы революции? Да, буржуазные чилийские правительства – даже самые прогрессивные из них – на противостояние с США никогда не решались. Так же как не решался, а наоборот - дружил с США кубинский диктатор Батиста.

Узнаём, что в Чили должны были опровергнуть какую-то аксиому: «То ли опровергающую чилийский опыт либеральную аксиому о том, что для оздоровления экономики и её успешного развития необходимо наличие тандема «свободный рынок – демократия»? И насколько модель экономического развития, выбранную при Пиночете, можно вообще считать либеральной?» Эту аксиому опровергает вся история развития капитализма, со времён Генриха VIII и до кризиса мировой финансовой системы конца 2000-х. Только капитал чувствует

угрозу для себя, то есть для темпов своей аккумуляции, он зовёт государство: «Спасите!» И оно спасает, ведь это буржуазное государство. Как кратко и метко об этом писали когда-то классики: «современное правительство это только комитет, который распоряжается совместными делами всей буржуазии» [44].

Ещё одно не подкреплённое никакими данными утверждение: «... сейчас именно Чили является единственной страной на американском континенте к югу от Соединённых Штатов, которая не принадлежит третьему миру. И это произошло именно благодаря генералу Пиночету». Что такое «третий мир», вопрос дискуссионный, но не относительно Латинской Америки: в западном полушарии к югу от США стран «первого мира» нет.

С этих строк на нас уже смотрит не Пиночет, а Боливар: «Возможно, что его стремление изменить Чили на лучшее не всегда отвечали стандартам принятых мировых демократических норм, но он тоже является ответственным за создание цивилизованной нации. В сущности, мало чем, отличаясь от Оливера Кромвеля [sic!], английского лорда – протектора, чья статуя ныне украшает британский парламент». Опять глупые чилийцы не читают Каспрука, а перед президентским дворцом в Сантьяго ставят памятник...Альенде. В самом деле, никаких памятников Альенде, если для тебя «с точки зрения исторической правды и исторической справедливости стоило бы задаться вопросом – почему именно такие неординарные фигуры как Альенде и Пиночет, занимавшиеся национальными и государственными интересами, ввергли дорогую им родину в пропасть левых и правых политических излишеств». То есть Альенде и Пиночет, это – два равноправных выбора [«неординарные политические фигуры»], двух равноправных крайних позиций [«левых и правых политических излишеств»]. Который раз уже горе–публицист – одевшись в одежду искателя историка-правдолюбца – прибегает к недостойным приёмам. В этот раз он сначала, ссылаясь на кажущуюся внешнюю схожесть, при помощи нехитрых слов «неординарный», «оба заботились» и «излишества» приравнивает двух политиков и два исторических явления [так как будто идёт речь об одном предмете, покрашенном в два разных цвета], а потом, уже рассматривая их как равнозначные, играет в «объективное историческое исследование [анализ]». Вот излишества хунты

известны, а что можно назвать «излишествами» в политике правительства Народного единства? То, что оно разрешило печатать оппозиционные средства информации [такие, как газета «Меркурио»], часто финансируемые из-за границы [не Кубой, не СССР, даже не КНДР] [45]? То, что он не закрыл посольство США? То, что решил положить конец жестокому грабежу бедных богатыми? В следующих двух предложениях отождествление правительства Народного единства и военной хунты полностью завершено: « Выглядит так, что они оба обрекли Чили на ситуацию дьявольской альтернативы – диктатуры «левых» или диктатуры «правых», отрезав свою страну от нормального пути развития. К дьявольской альтернативе их подвели известные с библейских времён «благие намерения» и желание достичь их осуществления без чрезмерных усилий» Но в том то и дело, что между 1970-м и 1973-м никакой диктатуры в Чили не было, а вот после была. Именно военная диктатура делала всё возможное, чтобы лишить большинство населения любых шансов на жизнь, достойную человека. Правительство Альенде, к сожалению, действовало не всегда решительно. А вот чилийская буржуазия и её боевой отряд – вооруженные силы – действительно демократическими процедурами не занимались.

Слово о жертвах. За датами, цифрами и процентами не видно людей, что их жизнью и здоровьем «создатель цивилизованной нации» одобрял «возрождение экономики». За макроэкономическими показателями не разглядеть лиц. Потому-то посмотрим на перечень жертв, к каким привела попытка «изменить Чили на лучшее», на тех, кого диктатор и его приспешники убивали с пути, что якобы вел к переменам на лучшее [« ведь, - признаёт сам защитник прав человека, - режим Пиночета прославился массовыми нарушениями прав человека»]. Кто были те люди? Может, действительно воры или – прости господи! - террористы? Народ хочет «стабильности», есть человек, готовый её обеспечить [с большим казарменным опытом], а тут подрывные элементы. Понятно, что рассказать здесь про тысячи людей невозможно; вот несколько имён и обстоятельств гибели, составляющих пусть короткий, но поучительный список.

Отца Альсина из Испании, который работал в одной из больниц, схватили вскоре после переворота и доставили на Национальный стадион в Сантьяго за «устройство склада

оружия в подвале больницы». Никакого склада, конечно, не нашли, зато в октябре за городом был найден труп священника. Генерала Альберто Бачелет замучили до смерти в 1974-м году. Ему отомстили за сотрудничество с правительством Народного единства [он возглавлял государственную организацию по распределению и продаже товаров] и отказ поддержать путч. [В 2006 году дочка генерала, социалистка Мишель Бачелет стала президентом Чили].

Католический священник Майкл Вудворд, гражданин Великобритании, занимался бедняками в портовом городе Вальпарасо. Его арестовали через несколько дней после путча, пытали и убили. Тело не нашли. Чарз Горман - американский журналист и кинорежиссер-документалист, через неделю после переворота похищен и убит на стадионе в Сантьяго. Тележурналиста Роберто Гальо, христианского демократа и противника Народного единства, застрелили за то, что он пытался остановить избиение солдатами беременной женщины.

Антонио Кланса, консервативного журналиста и представителя богатой помещичьей семьи, убили в сентябре 1975-го года карабинеры в собственном доме вместе с женой. Командовал карабинерами капитан из семьи, с которой Кланси имели спор относительно одного земельного участка.

Орландо Летельер – бывший посол Чили в США, убит в Вашингтоне в 1976 году [в его автомобиль заложили взрывчатку]. Вместе с ним погиб его американский секретарь Ронни Карпен Моффит. Журналист из демохристианского лагеря Игнасио Мирет был убитый после трехдневных пыток племянником члена хунты Густаво Ли. Уже упомянутый вначале Карлос Пратс был предшественником Пиночета на должности главнокомандующего армией. Его убили вместе с женой в Буэнос-Айрос в 1974-м году. Живя в соседней стране, в добровольном изгнании, Пратс избегал публичных политических заявлений, хотя в частных разговорах не скрывал своего отвращения к военному режиму.

Кармело Сория – испанский дипломат, который работал в Экономической комиссии стран Латинской Америки и Карибского бассейна при ООН [Сантьяго], похищен и убит в 1976 году. Френк Теруджы – американский журналист, похищен военными и убитый на стадионе в Сантьяго в сентябре 1973-го года. Виктор Хара – популярный автор-исполнитель. Сразу после путча был арестован и замучен на печально известном

стадионе в Сантьяго. Профсоюзного лидера Серхио Чаконе офицеры военно-воздушных сил топтали ногами на улице квартала, где он жил, при этом жителей квартала заставили смотреть на расправу. После издевательств, продолжавшихся около часа, Чаконе кинули в грузовик и увезли. Спустя неделю жене выдали тело.

Это лишь несколько имён убитых или «пропавших» вооруженными силами и ДИНА [чилийской политической полицией]. А были сотни тысяч посаженных под домашний арест, задержанных без разрешения суда, истязаемых, изнасилованных, покалеченных [таких, как жена христианского демократа Бернардо Лэйтон, какого агенты хунты пытались – но не смогли – убить в Риме в 1975-м году] или умерших от травм, причинённых во время пыток [как журналистка-католичка Кармен Морадор, умершая от кровоизлияния в мозг в 1978-м году, через три года после выкупа – не освобождения, а выкупа!- из чилийской тюрьмы]. Как видим, Пиночету и «братьям по хунте» мешали все - священники, певцы, журналисты, дипломаты, военные, политические деятели, чилийские граждане, иностранцы. Все, кто не желал, армейской «стабильности». Так, своеобразное предупреждение: берегитесь, когда ваши цели, желания и убеждения не совпадают со стремлениями генералов, которые занимаются «национальными и государственными интересами». Или если вы просто оказались в неправильное время и в неправильном месте рядом с «патриотами» и «творцами цивилизованной нации».

Библиографический список

1. См.: Грабовский С. 11 сентября: очередное фиаско украинской журналистики? [Электронный ресурс]. – URL: <http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/standards/11> veresnya cherny o ve fiasko ukrainskoi zhurnalistiki/; Мороз В. В поисках украинского Пиночета? / В. Мороз. – Львов: Сурма, 1999; Оровецкий К. Аугусто Пиночет и разделённая страна / К. Оровецкий //Украинская правда. – 18 декабря. – 2006, Подлущий О. Аугусто Пиночет: генерал, который надел на нацию «железные штаны» / О. Подлущий //

- Зеркало недели. – 11 июля – 2003; Хрест Е. Памяти генерала Пиночета / Е. Хрест [Электронный ресурс]. – URL: <http://banderivec.ho.ua/index.php?page=pages/zmist5/zmist520>
2. Виктор Каспрук. Чили -1973: как страна избежала коммунистической катастрофы // Украинская неделя. – 17 сентября. – 2013
 3. Никита Шаповал. Интеллигенция и пролетариат.- Вена-Киев 1920.
 4. Gideon Long, «Chile still split over Gen Augusto Pinochet legacy», at BBC News: Latin America & Caribbean, 9 September 2013 <http://www.bbc.com/news/world-latin-america>
 5. Лаврецкий И. Сальвадор Альенде / И. Лаврецкий. - Москва: Молодая гвардия, 1974.-С.238.
 6. Alfredo Estrada, Celia Iriart, Silvia Lamadrid and Howard Waitzkin, “Social Medicine then and now: Lessons from Latin America “, in American Journal of Public Health, June 2001, pp.1592-1601.
 7. Organization of American States, Inter- American Committee on the Alliance for Progress [CIAP], OAS/Official Records/Ser, H/XIV CIAP 468. Report on the Economy of Chili. Washington, D.C., February 16, 1971, p.11.
 8. Andre Gunder Frank, Economic Genocide in Chile: Monetarist Theory versus Humanity, Nottingham:
 9. Spokesman Books, 1976,p.50.
 10. Dieter Nohlen: Chile, Das Sozialistische Experiment. Hamburg: Hoffman und Campe Verlag, 1973.S.132.
 11. Платошкин Н. Чили 1970 – 1973 гг. Прерванная модернизация. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – С. 299.
 12. Там же. С. 414.
 13. “Chile recognizes 9,800 more victims of Pinochet ‘s rule”, at BBC News: Latin America & Caribbean, August 2011.
 14. Cristian Dona-Reveco, Amanda Levinson, “Chile: A Growing Destination Country in Search of a Coherent Approach to Migration”, at Migration Information Source,6 June 2012
 15. U.S. Arms Control and Disarmament Agency: World Military Expenditures and Arms Transfers 1971-1980,p.43.
 16. Paul W. Drake [ed.] and Ivan Jaksic [ed.],The Struggle for Democracy in Chile [revised edition], University of Nebraska Press,1995,p.83.
 17. Бурстин Э. Чили при Альенде: взгляд очевидца / Э. Бурстин. - М., 1979.-С.45.
 18. Там же. С.44
 19. Informe economico anual 1970. Oficina de Planificacion Nacional. [ODEPLAN]. – Editorial Universitaria, Santiago, 1971, p.10.
 20. Эдвард Бурстин. Чили при Альенде. С.118.
 21. Interview with Forensic Expert Who Confirmed Chilean President Salvador Allende Committed Suicide, at Democracynow.org, 11 September 2013
 22. Сергеев Ф. Чили: анатомия заговора / Ф. Сергеев. – М., 1986. – С. 104.
 23. Peter Kornbluh, The Pinochet File: A Declassified Dossier on Atrocity and Accountability, New York; London: The New Press, 2003, p.1.

24. См. служебную записку Национального совета безопасности США от 9 ноября 1970 года.
25. Kornbluh op.cit., p. 12.
26. Ibid., p. 13.
27. Ibid., p. 16.
28. Gunder Frank, op. cit., pp. 85-87.
29. Peter Kornbluh, op. cit., p. 89; Covert Action in Chile 1963-1973. Staff Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, U.S. Senate, 18 December 1975. U.S. Government Printing Office Publication 63-372.x
30. Подробнее об убийствах, покушения на убийства, провокациях, демонстрациях, забастовках, блокадах, диверсиях на предприятиях, подрывах железнодорожных путей и линий электропередач и других актах саботажа, организованных чилийской оппозицией, а также о её связи с ЦРУ, см.:
31. Эдвард Бурстин. Чили при Альенде. С. 167-244; Фёдор Сергеев. Чили: Анатомия заговора. С. 73-120; Ariel Dorfman, Pilar Aguilera [ed.] and Ricardo Fredes [ed.], Chile: The Other September 11: An Anthology of Reflections on the 1973 Coup, Melbourne: Ocean Press, 2006, 120 pp; Oscar Guardiola-Rivera, Story of Death Foretold: The Coup Against Salvador Allende, September 11, 1973, New York: Bloomsbury Press, 2013, pp. 121-365; Jonathan Haslam, The Nixon Administration and the Death of Allende's Chile: A Case of Assisted Suicide, London; New York: Verso, 2005, 245 pp.; Peter Kornbluh, op.cit., pp. 79-180; Lubna Z. Qureshi, Nixon, Kissinger, and Allende: U.S. Involvement in the 1973 Coup in Chile, Lanham: Lexington Books, 2009, 192 pp.
32. Gunder Frank, op.cit., p. 78-79.
33. Ibid., p. 24.
34. Ibid., p. 28.
35. Ibid., p. 62-63.
36. Ibid., p. 66.
37. См.: Andres Solimano and Raimundo Soto, Economic growth in Latin America in the late 20 th century: evidence and interpretation, Santiago: U.N. Economic Development Division, 2005.
38. U.S. Treasury Reporting Rates of Exchange as of September 30. 1973. U.S. Treasury Reporting Rates of Exchange as of September 30. 1990. Украинскому читателю будет интересно сравнить, например, с гривной: с момента введения в обращение наличной гривны, то есть с сентября 1996-го по сентябрь 2013-го [те самые семнадцать лет], она « стала легче» по отношению к доллару США на 350%,
39. Henry Clayton Wickham & Hannah Stone, "Chile`s coup 40 years on: authoritarianism`s economic legacy", in The Santiago Times, 11 September 2013.
40. Gunder Frank, op.cit., p. 67,
41. Wickham & Stone, op.cit. Нужно понимать, что политика «экономического геноцида» [как её охарактеризовал немецко-американский экономист Андре Гундер Франк] была не случайной, а целенаправленной. Большая буржуазия, инструментом которой

была армия, этого даже не скрывала. Вот что писал главный орган этого класса, а заодно и военного режима газета «Меркурио» в феврале 1975 года: « Текущая политика экономической нормализации и достижение большей стабилизации, предусматривает жертвы со стороны населения, поэтому она вызывает критику с разных сторон. Изменение в структуре цен, что призваны, прежде всего, отдать приоритет развитию сельского хозяйства, политика снижения тарифов, призванная положить край неразборчивой защите отдельных отраслей экономики, а также установление обменного курса, который должен уравновесить платёжный баланс и стимулировать экспорт, наталкивается на сопротивление и критику... Задание заключается в постепенном отказе от неэффективных отраслей промышленности, которые строили в рамках модели « национально-ориентированного» развития, через дискриминационную защиту видов деятельности, в которых страна не имела очевидных преимуществ»[Gunder Frank, op.cit.,p. 38]. Другими словами, «политика экономической нормализации» означала превращение Чили из аграрно-индустриальной страны с развитым внутренним рынком в аграрную страну-экспортёра сырья, что должна сопровождаться уничтожением части населения.

42. Noam Chomsky, Year 501: The Conquest Continues, South End Press, 1999, pp. 190-191.
43. Duncan Green, The Silent Revolution: The Rise of Market Economics in Latin America, New York: Cassell Press, 1995, p. 108.
44. Gunder Frank, op. cit., p. 29.
45. Joseph Collins and John Lear, "Pinochet's Giveaway: Chile's Privatization Experience", in Multinational Monitor, May 1991.
46. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Коммунистический манифест.- Кливленд: Издание Украинской федерации Американской социалистической партии, 1917.- Стр.9.
47. Kornbluh, op. cit., p. 6.

**Постсоветская «латиноамериканистика»
и скромное обаяние авторитаризма:
Аугусто Пиночет и Фидель Кастро
как «изобретенные традиции»**

Автор анализирует коллективные постсоветские представления о авторитаризме в Латинской Америке. Автор полагает, что постсоветские интеллектуалы идеализируют или критикуют авторитаризм с политической точки зрения. Коллективные идеи и представления об авторитаризме политически маркированы и идеологически мотивированы. Аугусто Пиночет и Фидель Кастро в постсоветской политической памяти стали изобретенными традициями. Отсутствие национального политического опыта вынуждает постсоветских интеллектуалов предлагать и развивать различные идеализированные представления о политическом опыте латиноамериканского авторитаризма.

Ключевые слова: Латинская Америка, авторитаризм, Куба, Чили, политическая память, политические мифы

The author analyzes post-Soviet collective ideas about authoritarianism in Latin America. The author believes post-Soviet intellectuals idealize or criticize authoritarianism from a political viewpoints. The collective ideas and concepts of authoritarianism are politically marked and ideologically motivated. Augusto Pinochet and Fidel Castro in post-Soviet political memories became invented tradition. The lack of national political experience forces post-Soviet intellectuals to propose and develop idealized concepts about political experience of Latin American authoritarianism.

Keywords: Latin America, authoritarianism, Cuba, Chile, political memory, political myths

Постановка проблемы. Российская современная латиноамериканистика имеет долгие и противоречивые отношения с разного рода диктаторами, которые возглавляли недемократические политические режимы, существовавшие в странах Латинской Америки на протяжении XX века. Отношения эти противоречивы от того, что одним из этих диктаторов латиноамериканисты клялись в вечной идеологически мотивированной и политический простимулированной учением коммунистической партии любви, а других обличали и критиковали столь гневно, что невольно возникала мысль о том, что отношения советских латиноамериканистов с

латиноамериканскими диктаторами носили характер личного, почти интимного знакомства.

Таким образом, в рамках мифологизированной, идеологизированной и политически зависимой советской латиноамериканистики, в воображении советских латиноамериканистов и их современных российских, но фактически несоветских наследников, возникла уникальная и своеобразная типология и иерархия диктаторов, которые в силу политической и идеологической ситуации и конъюнктуры делились на идеологически правильных и политических неправильных, «своих» и «чужих» диктаторов.

Диктаторы «хорошие» и «плохие» в латиноамериканистском историческом воображении. Деление это носило чисто идеологический характер и нередко было случайным: «правильными» с советской идеологической точки зрения признавались те диктаторы, которые вовремя сориентировавшись провозглашали свою социалистическую ориентацию и громко, так, чтобы их услышали в СССР, декларировали свою верность, лояльность и преданность Советскому Союзу. Поэтому Фидель Кастро в советском и российском историческом воображении фигурировал как политически и идеологически правильный руководитель. Другие политические Лидеры, которые были даже более демократичны, чем Фидель Кастро, но, все равно, принадлежали к большому недемократическому и авторитарному политическому дискурсу в советском историческом и политическом воображении не приветствовались.

Среди таких больше всего не повезло Жетулиу Варгасу в Бразилии и Аугусто Пиночету в Чили. Первому не повезло исторически, так как период его правления совпал с ростом правых и недемократических фашистских режимов в Европе. Поэтому, Жетулиу Варгаса некоторые особенно ортодоксально верующие советские латиноамериканисты и вовсе причисляли к фашистам. Позднее оценки и интерпретации, правда, были несколько смягчены, но, в целом, в современной несоветской российской латиноамериканистике фигура Ж. Варгаса оценивается крайне одиозно и инерционно. Российская латиноамериканистика в этом отношении не знает той широты мнений, оценок и интерпретаций роли и деятельность Ж. Варгаса, которые встречаются в современной бразильской

историографии. Что касается, Аугусто Пиночета, то ситуация с ним в современном российском латиноамериканистском воображении является крайне сложной и чрезвычайно противоречивой.

Советские латиноамериканисты могли только не любить Аугусто Пиночета и крайне негативно отзываться о его режиме уже от того, что он сверг формально «своего» и «правильного» президента Сальвадора Альенде, который проводил в Чили политический эксперимент в социалистическом стиле с неизбежно характерными для него атрибутами от попыток национализации до кризиса экономики через ее превращение в экономику дефицита. Тем не менее, в советском историческом воображении все политические и экономические ошибки предшественника Аугусто Пиночета сознательно замалчивались и игнорировались, но его преемник воображался как фашистский диктатор и кровавый палач, который устроил в Чили террор, направленный против политических врагов режима.

В такой ситуации советские латиноамериканисты и их современные несоветских наследники не имели не только значительного, но и даже минимального пространства для историографического и интеллектуального маневра и оказались в плену этих исторически сложившихся стереотипов, хотя в постсоветский период имели место попытки пересмотреть и подвергнуть ревизии эти исторически сложившиеся интерпретации механически заменив оценки различных авторитарных режимов. В 1990-е годы российские интеллектуалы либеральной направленности критиковали авторитарный режим Ф. Кастро как недемократический и основанный на нарушении прав человека, а режим А. Пиночета, наоборот, воспринимался как исторически и политически прогрессивный, так как смог провести в Чили экономические реформы. В целом, историографическая проблема авторитарных режимов в Латинской Америке в современной российской историографии остается неурегулированной и на современном этапе.

Цели и задачи, или три неудобных вопроса о соперниках демократии. В центре авторского внимания в этой статье – проблемы латиноамериканского авторитаризма в современной постсоветской латиноамериканистике и политической памяти.

Поэтому, Автор попытается ответить на несколько вопросов, а именно:

- почему одни авторитарные режимы столь активно изучались и идеализировались в советской латиноамериканистике;
- почему другие режимы в советской латиноамериканистике подвергались сознательной и намеренной, идеологически выверенной и мотивированной критике;
- почему в современной постсоветской латиноамериканистике одни недемократические режимы игнорируются, а другие активно изучаются, идеализируясь как в негативном, так и позитивном плане.

Методологические основания. Методологически и теоретически данная статья базируется на инструменталистском модернистском концепте воображаемых сообществ и примыкающей к нему теории изобретенных традиций. Поэтому, авторитарные режимы с Латинской Америки воспринимаются как коллективные места памяти и воображаемые сообщества, а отношение к ним историографии, исторической и политической памяти – как воображаемые историографические традиции.

Чилийский миф. В современных постсоветских политических памятях о латиноамериканском опыте авторитаризма особое место занимает Аугусто Пиночет. Пиночет – фигура, которая формально к российской истории не имеет никакого непосредственного отношения, но коллективные идеологически мотивированные и маркированные представления о нем оказались укоренены настолько, что на постсоветском пространстве Аугусто Пиночет успел стать частью массовой культуры и культуры потребления, а оценки его деятельности могут быть диаметрально противоположными и исключаящими. Компромиссные интерпретации не получили развития в постсоветских странах и сами попытки найти компромисс в оценке А. Пиночета несколько искусственны [24]: с одной стороны, декларируется, что режим был подлинной и недемократической хунтой, которая залила страну кровью, а, с другой, признается, что проведенные режимом реформы, хотя и были не безупречны, но все-таки привели к некоторым результатам.

Особое внимание фигуре Аугусто Пиночета уделяли и уделяют левые несоветские интеллектуалы. Их интерес к

фигуре генерала неизбежен, но часто он имеет нездоровый характер, так как левые интересуются не столько А. Пиночетом, сколько приписываемыми ему преступлениями и злодеяниями в контексте свержения его предшественника – просоветски настроенного С. Альенде. Левые склонны актуализировать в правлении А. Пиночета только и исключительно негативные тенденции. «Глаза, полные лжи» [21], - именно так отзывался о бывшем чилийском лидере один из его современных критиков, а другой гуру левацкой интеллигенции Б. Кагарлицкий и вовсе назвал свою заметку в связи со смертью А. Пиночета «На смерть злодея» [7]. Общим местом в критике А. Пиночета стало отрицание и непризнание того, что авторитарный режим привел к некоторым экономическим успехам, к т.н. «чилийскому экономическому чуду». Отрицая последнее, критики А. Пиночета даже изобрели квазитермин «чилийское экономическое чудище» [14], призванное поставить под сомнение аргументы сторонников того, что оно все-таки имело место.

Среди форматоров негативного образа А. Пиночета особую роль сыграл А. Кармен. Критикуя российских неолиберальных сторонников и защитников А. Пиночета, называя их «яйцеголовыми», А. Кармен не жалел красок для создания негативного образа А. Пиночета, настаивая на том, что «при Пиночете за чертой бедности оказалось две трети населения Чили. Статистика эта официальная, в том числе и ооновская. В некоторые годы безработица превышала 30 %. Запрещение некогда самых сильных в Южной Америке профсоюзов и отсутствие мало-мальской социальной защиты полностью отдавали работников на произвол алчных предпринимателей-реваншистов, словно стремившихся любой ценой восполнить все прибыли, «недополученные» за предыдущие годы. Недовольных тотчас безжалостно выбрасывали на улицу: очередь желающих занять их место была нескончаема» [8]. В этом контексте А. Кармен и близкие к нему авторы не шли дальше примитивной и механической трансформации старого политически и идеологически выверенного советского нарратива, основанного на априорном признании А. Пиночета военным преступником и отрицании экономических успехов авторитарного режима. Проблема, правда, состояла в другом: столь активно и рьяно критикуя А. Пиночета, современные российские левые интеллектуалы не только не предложили

ничего нового в теоретическом плане, но оказались не в состоянии объяснить и понять причины свержения столь идеализируемого ими С. Альенде, на смену которому пришел А. Пиночет.

Среди левых критиков А. Пиночета особую роль играет А. Тарасов, который не только любит описывать преступления армии против гражданских [26] (что, конечно, имело место, но что и придает современным левым оценкам Пиночета излишнюю односторонность), но и вовсе патетически призывает «Хватит врать о Пиночете!» в то время, как свои тексты о Пиночете им позиционируются как «правда о Чили». По мнению А. Тарасова, «никакого “экономического чуда” при Пиночете не было. Всё было как раз наоборот. Вот при Альенде в стране наблюдался заметный экономический рост, сопровождавшийся исключительными достижениями в социальной сфере» [27]. Современный российский несоветский миф о Аугусто Пиночете в своем основании имеет два принципа: с одной стороны, принципиальное отрицание того, что в Чили в период пребывания Пиночета у власти имели место позитивные и положительные тенденции в надежде, что потребитель этой новейшей версии советского коммунистического мифа не обратится к специализированной литературе; в другой стороны, на противопоставлении политики А. Пиночета с политикой С. Альенде, которая идеализируется в той же надежде, что читатель не воспользуется чилийскими источниками периода правления свергнутого президента. В этом отношении идеи современных российских левых о Пиночете – классический пример политически и идеологически маркированного и мотивированного мифотворчества.

Если для одних Аугусто Пиночет – преступник, то другие авторы склонны относиться к его роли в новейшей чилийской истории иначе. Российские монархисты, например, стремятся идеализировать антикоммунизм А. Пиночета, полагая, что тот являлся «видным государственным и политическим деятелем Чили, непримиримым борцом с коммунизмом» [5]. Некоторые современные российские монархисты и вовсе склонны идеализировать А. Пиночета, патетически декларируя: «душа христианина и воина Дона Аугусто Пиночета Угарте прибывая в селениях праведных, молится о живущих на земле, дабы и мы хранили в себе вечные ценности веры, чести и долга, которые с таким достоинством нес в себе этот чилиец при жизни и

символом которых навсегда останется в нашей памяти» [13]. Подобные идеологически выверенные интерпретации А. Пиночета в современном российском правом дискурсе вовсе неслучайны, что свидетельствует о проблемных тенденциях в развитии и функционировании политической памяти в постсоветской России, где некоторые авторы склонны механически заменять коммунистический миф антикоммунистическим, столь же активно приписывая политические добродетели тем политикам, которые всего лишь несколько лет до этого пребывали среди тех исторических фигур, без которых было невозможно развитие и функционирование образов Других в советской политической идентичности.

Другая форма идеализации генерала характерна для правых политиков и сторонников либерализма, которых их оппоненты и вовсе обвиняют в «пиночетофилии» [18] и неспособности [4] объективно проанализировать роль и место Аугусто Пиночета в новейшей истории Чили. «Пиночет был «полностью реабилитирован» в сознании постсоветских интеллектуалов» [17], - подчеркивает украинский аналитик Олэкса Пидлущкий, комментируя метаморфозы политической памяти в отношении чилийского генерала. Вероятно, это так, если вспомнить, что украинский политик Сергей Ратушняк заверял, что для него Пиночет является образцом [19], а, Ю. Латынина утверждала, что «военные вернули порядок, убив всего 3 тыс. человек – ничтожно малое число» [11], внося, таким образом, свой вклад в формирование нового образа Аугусто Пиночета как изобретаемой традиции либеральной политической и исторической памяти.

Это заявление Ю. Латыниной спровоцировало волну ответной критики [22], направляемой современными российскими несоветскими поклонниками С. Альенде. Другие авторы (например, Кырыло Оровэцкий [15]) полагают, что разделение чилийского общества в отношении к Пиночету имеет общие черты с советским тоталитарным и авторитарным сознанием [25]. По мнению украинского журналиста В. Головченко, «после падения марксистских догматов на территории СНГ все тот же Пиночет превратился в добродетельную аллегория сурового, но экономически ответственного военного правителя, совершившего исторический подвиг, о котором в политически нестабильной

Украине (России, Молдове, Таджикистане и др.) остается только мечтать... символическое значение фигуры Пиночета стало для многих представителей новейшего поколения либеральных мечтателей (а еще больше разочарованных обывателей) тем же, чем были фрондерские бюсты Наполеона на письменных столах мыслителей эпохи декабризма» [3].

Некоторые постсоветские авторы стремятся синтезировать различные взаимоисключающие точки о Пиночете, подчеркивая, с одной стороны, то, что благодаря А. Пиночету Чили избежал «коммунистической катастрофы» [9] и, с другой, что «Пиночет безусловно был кровавым диктатором, жестоким и коварным.... вместе с тем Пиночет – отец чилийского экономического чуда! За сравнительно короткий период ему удалось решить историческую задачу модернизации чилийской экономики, над которой много десятилетий безуспешно бились и левые, и правые его предшественники. Во время правления Пиночета Чили было одной из немногих латиноамериканских стран, экономика которых росла стабильными и сравнительно высокими темпами. Одна из беднейших стран континента ныне занимает почетное четвертое место в Латинской Америке по размерам валового внутреннего продукта на душу населения» [16]. Таким образом, новейшая волна идеализации А. Пиночета на постсоветском пространстве стала ответом одновременно на три запроса общества – запрос на стабильность, запрос на антикоммунизм и запрос на либеральные экономические реформы, которые были проведены в Чили и которые в Восточной Европе кажутся более успешными и эффективными, чем те, которые пережили экономики региона в 1990-е годы.

Кубинский миф. Кроме чилийского мифа в постсоветской латиноамериканистике развивается и кубинский миф, основанный на идеализации роли и деятельности Фиделя Кастро. Фигура Фиделя Кастро, который в массовом сознании фигурирует как «лидер кубинской революции» [29], относится к числу крайне политизированных, мифологизированных и идеализируемых как его сторонниками, так и противниками. В отношении Ф. Кастро в современной политической памяти доминируют стереотипы: «даже на склоне лет он обожает театральные эффекты: сначала ждёт, пока все уверятся в его смерти, а затем предстаёт перед публикой под вспышками фотокамер. В ряду современных президентов Кастро кажется пришельцем с Марса. Он и верно последний такой – с

искренней верой в свои идеалы, отсутствием долларов в швейцарских сейфах и парой френчей в пыльном гардеробе. Стилю жизни Фиделя не желает подражать ни один политик на Земле» [6].

Современные постсоветские авторы склонны идеализировать фигуры Ф. Кастро, подчеркивая, что «Вива, Куба! Вива, амиго, компанеро, камарадо, комраде! Вива, товарищ Кастро! И долгих, долгих вам лет жизни! Вива! Даже, если город Солнца всего лишь мечта... Так или иначе все с мечты начинается. Даже если начинается в двухтысячный раз» [20]. Степень и глубина идеализации и мифологизации Ф. Кастро настолько значительна и глубока, что он воображается в постсоветской памяти как почти вневременная, внеисторическая, вечная фигура мировой и региональной политики: «Кастро пережил шестерых президентов Америки, шестерых лидеров Советского Союза и России. Давно, очень давно убили Джона Кеннеди. Где-то на периферии нашей памяти - отставка Никиты Хрущева, смерть Мао и Брежнева. А Кастро продолжает жить и руководить» [28]. Кастро в отличие от Пиночета в советской и несоветской латиноамериканистике воображался преимущественно как позитивная фигура, в заслугу которому ставится борьба против США и американского империализма. В этом контексте кубинский миф анализирует два микромифа, а именно – миф о прогрессивности режима Ф. Кастро и его противостоянии с США.

Неосоветские авторы предпочитают актуализировать именно антиамериканскую компоненты в деятельности Ф. Кастро, полагая, что тот спас страну от американской аннексии и ее превращения в американский штат: «до победы кубинской революции большинство правившей элиты США, да и на самой Кубе, исходило из неизбежности присоединения острова к Америке. Эта убежденность даже получила название «очевидной судьбы». А саму Кубу окрестили «зрелым плодом», который рано или поздно станет очередной звездочкой на американском флаге. Все шло именно к этому. Американская экономика постепенно втягивала в себя всю производственную структуру Кубы, янки превратили остров в грандиозное предприятие для развлечений, которые формально запрещены у себя дома. Игорные дома, проституция, наркотики и вообще все, что заблагорассудится, были в их распоряжении. Национальная самобытность Кубы была обречена... Из своих

85 лет Фидель Кастро почти 60 лет отдал жесткому, героическому противостоянию такой судьбе страны, и, вопреки всем доводам скучного рассудка, вопреки бесконечным прогнозам, обещавшим скорое поражение кубинской революции, одержал победу. История кубинской революции - копия библейского мифа о победе подростка Давида над монстром Голиафом. Роль Фиделя в этой героической эпопее исключительно велика. Он буквально из ничего сотворил революцию, провел народ Кубы сквозь немыслимые трудности и испытания» [12].

В этом контексте фигура Ф. Кастро в постсоветской политической идентичности является настолько глубоко мифологизированной, что некоторые современные авторы кроме идеализации не стесняются и библейских параллелей в формировании образа Ф. Кастро. В контексте современной политической ситуации актуализация антиамериканизма, свойственного режиму Ф. Кастро, является следствием деформаций в развитии постсоветской идентичности.

С другой стороны, кроме идеализации Фиделя Кастро в современной постсоветской памяти встречаются и другие оценки. Некоторые авторы склонны интерпретировать режим Ф. Кастро в исключительно негативном контексте, полагая, что тот установил «тоталитарный коммунистический режим», основными итогами которого стали «тысячи репрессированных, два миллиона иммигрантов, полная нищета кубинского народа... отсутствие свободы на Кубе сопровождается полной нищетой народа: нехваткой продовольствия, лекарств и других товаров первой необходимости» [30]. И хотя подобные относительно объективнее оценки и интерпретации тонут в хоре восторженных голосов поклонников кубинского авторитаризма, тем не менее, часть авторов полагает, что победа Ф. Кастро и его продолжительное пребывание у власти имело негативные последствия для Кубы: «Социалистическая Куба – это типичное традиционное общество, пошедшее по пути антибуржуазной, восточной модернизации, с опорой на социальное традиционное жизнеустройство и под руководством авторитарной партии» [2]. В этом контексте в вину политическим элитам авторитарного политического режима, который пришел к власти благодаря Ф. Кастро, ставится закрытость режима, что создает для него многочисленные

угрозы в случае смерти Ф. Кастро как системообразующей фигуры авторитарного режима.

Некоторые авторы полагают, что Ф. Кастро может восприниматься как «последний диктатор старого образца, неистовый борец за коммунизм, страдающий прямолинейностью и бойкотировавшим политические маневры. Фирменный стиль команданте, в связи с этим, заставляет предположить, что страна в ближайшее время может предпринять движение как вправо – к рыночным преобразованиям и установлению элементарных демократических институтов, так и примкнуть к латиноамериканскому социализму» [10]. С другой стороны, институционализация консервативной модели развития, консервация политических процессов и институтов фактически предопределили неспособность страны справиться с экономическими проблемами и приспособиться к новым внешним условиям, когда Кубы лишилась помощи СССР, которая имела системное значение для существования и функционирования кубинской экономики. Поэтому, противники авторитарного режима Ф. Кастро подчеркивают, что «Фидель без СССР – ничто, и это очень хорошо стало ясно после 1991 года, когда Куба окончательно превратилась в третьесортное государство Карибского бассейна. Кастро вместе с Че Геварой свергли диктатора Батисту, заменив его диктатором Фиделем. И режим Кастро ничем не лучше. Куба и по сей день является отсталым туристическим государством в котором голод, репрессии, бедность, коррупция — норма жизни. Этот режим — жёсткий и бесчеловечный. За время правления Фиделя, более полумиллиона кубинцев прошли через концлагеря и камеры пыток, в стране систематически нарушаются права и свободы, любое инакомыслие душится на корню и жестоко карается, десятки тысяч человек были казнены, многие без суда. Режим Кастро бросил в тюрьмы и лагеря в три раза больше политзаключенных, в процентном отношении к численности населения, чем Гитлер и Сталин за то же время. На Кубе было зарегистрировано наибольшее количество политзаключенных и приговоров по политическим делам, когда-либо отмеченных в Западном полушарии. Во времена режима Батисты на Кубе было около 500 политических заключенных, а с приходом Кастро эта цифра достигала до 100 000 человек» [1].

Некоторые авторы полагают, что политика, проводимая Ф. Кастро, бала ошибочной и завершилась безрезультатно потому, что в середине 2010-х годов Куба, которая пребывала под санкциями США, была вынуждена начать сближение с Соединенными Штатами, что, как полагают некоторые авторы, стало свидетельством признания бесперспективности политики, проводимой Ф. Кастро. Это дает возможность некоторым авторам утверждать, что «это является в своем роде поражением персонально Фиделя Кастро, о чем ему невыгодно говорить» [23]. Кроме этого, в вину режиму Ф. Кастро ставится коррупция и непрозрачность, нарушение прав человека и политические репрессии: «Кастро позволяет себе роскошь быть экстравагантным за счет своего народа. Когда-то, выступая перед судом режима Батисты после неудачного штурма военных казарм в городе Сантьяго, молодой адвокат Кастро сказал, что история его оправдает. Он имел в виду свои революционные идеалы. Эти идеалы давно испарились, остались лишь яхты, многочисленные резиденции, тысячная охрана и непрекращающиеся репризы престарелого команданте» [28]. Если подобные оценки нормальны в западных СМИ, то на постсоветском пространстве они нередко отторгаются и воспринимаются как политически необъективные и ангажированные. Это свидетельствует о том, что в формировании образа Ф. Кастро в современной постсоветской политической памяти на современном этапе доминирует и преобладает неосоветская инерция, а авторы, которые пишут о лидере кубинской революции, не в состоянии выйти за пределы устоявшихся политически маркированных и идеологически детерминированных стереотипов.

Предварительные итоги. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать несколько факторов, которые в советской и современной российской неосоветской латиноамериканистике, исторической и политической памяти определяли или продолжают определять отношение к недемократическим политическим режимам региона.

Отношение советской и неосоветской современной официальной латиноамериканистики к авторитарным режимам в Латинской Америке было и остается крайне противоречивым. Советская латиноамериканистика как идеологизированная, политизированная и в значительной индоктринизированная форма знания была склонна одни авторитарные и

недемократические режимы позитивно оценивать, а другие интерпретировались крайне негативно и отрицательно. Причины позитивного отношения советской и современной латиноамериканистики к левым авторитарным режимам в Латинской Америке объяснить не сложно.

В силу политической и идеологической конъюнктуры советские и современные российские латиноамериканисты были склонны видеть в таких режимах союзников и в силу политических комплексов эти недемократические авторитарные режимы воспринимались как идеологические друзья, столь необходимые для советской коммунистической идеологии. Поэтому, авторитарные левые режимы, с одной стороны, в советской латиноамериканистики стали позитивной коллективной изобретенной традицией. С другой стороны, правые режимы, которые заменили политические режимы левой ориентации, в советской исторической науке воспринимались крайне негативно и отрицательно. В советском историческом и политическом воображении этим режимам приписывались все отрицательные и негативные характеристики. Эти режимы воображались и изобретались как недемократические, антинародные и даже фашистские.

Современная историографическая ситуация характеризуется другими особенностями. Официальная российская латиноамериканистика по-прежнему идеализирует и мифологизирует левые авторитарные режимы и их современных недемократических наследников. В этом контексте авторитарный режим на Кубе и не демократический режим Уго Чавеса в Венесуэле оценивается, как правило, позитивно и положительно от того, что современные российские латиноамериканисты, выполняя сервилистские функции, склонны эти режимы сознательно идеализировать, умалчивая об их авторитарном характере и тех экономических трудностях, с которыми они сталкиваются. Эта ситуация для современной российской латиноамериканистики является в принципе нормальной, так как все другие альтернативные точки зрения не признаются, отрицаются и подвергаются искусственной и политически мотивированной маргинализации.

Вопрос, «Почему в современной латиноамериканистике одни недемократические режимы игнорируются, а другие активно изучаются, идеализируясь как в негативном, так и позитивном плане» продолжает оставаться актуальным для

современной российской латиноамериканистики. Например, в отношении режима А. Пиночета по-прежнему сильной остается неосоветская инерция, которая нередко является определяющим фактором, например, в редакционной политике журнала «Латинская Америка», который и в 2010-е годы перепечатывал образчики антипиночетовской идеологически мотивированной пропаганды более раннего периода. Столь же очевидно, почему режим А. Пиночета и идеализируется некоторыми российскими интеллектуалами, которые склонны видеть в политике формально недемократического режима почти идеальный образец экономических реформ.

При этом совершенно неясно, почему с современной российской латиноамериканистике игнорируется режим Жетулиу Варгаса, который негативно оценивался в советский период. Вероятно, Ж. Варгас крайне неприятен для изучения в современной российской латиноамериканистике в силу того, что его политика стала основой для дальнейшего социального, политического и экономического прогресса в Бразилии в то время как столь идеализируемые левые режимы ничего подобного не демонстрируют, но, наоборот, представляют примеры политической стагнации, социального и экономического регресса. В целом, авторитарные политические режимы в Латинской Америке в российской латиноамериканистике успели стать коллективным местом исторической и политической памяти, воображаемыми историографическими традициями, вокруг которых периодически латиноамериканисты и другие, интегрированные в дискурс, интеллектуалы ведут дебаты и дискуссии, которые на современном этапе представляются не только не завершенными, но и далекими от завершения.

Библиографический список

1. Алешковский М. Всех обманул бородатый Фидель: он повесил солнце, но оно не катит / М. Алешковский [Электронный ресурс]. – URL: <http://echo.msk.ru/blog/aleshru/942551-echo/>
2. Вахитов Р. Социализм Фиделя Кастро / Р. Вахитов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.contrtv.ru/print/1875/>
3. Головченко В. Нужен ли был Пиночет? / В. Головченко // Зеркало недели. – 2007. – 19 января.
4. Грабовський С. 11 вересня: чергове фіаско української журналістики? / С. Грабовський [Электронный ресурс]. – URL:

- http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/standards/11_veresnya_chergove_fiasko_ukrainskoi_zhurnalistiki/
5. Деревянко Н. Генерал: штрихи к портрету / Н. Деревянко [Электронный ресурс]. – URL: http://www.monarchruss.org/index.php?option=com_content&task=view&id=254&Itemid=36
 6. Зотов Г. Динозавр социализма. 55 лет назад к власти на Кубе пришёл Фидель Кастро / Г. Зотов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.aif.ru/society/history/dinozavr_socializma_55 лет_nazad_k_vlasti_na_kube_prishel_fidel_kastro
 7. Кагарлицкий Б. На смерть злодея / Б. Кагарлицкий [Электронный ресурс]. – URL: https://sceptsis.net/library/id_1002.html
 8. Кармен А. Мифотворчество невежд. Сказки дедушки Пиночо и его российских последователей / А. Кармен [Электронный ресурс]. – URL: <http://saint-juste.narod.ru/pinochet1.htm>
 9. Каспарук В. Чилі-1973: як країна уникла комуністичної катастрофи / В. Каспарук // Український тиждень. – 2013. – 17 вересня.
 10. "Командантский" час. Куба без Ф.Кастро – военная диктатура или политическая реформа? [Электронный ресурс]. – URL: <http://1prime.ru/Politics/20070116/759789687.html>
 11. Латынина Ю. Победенных не судят / Ю. Латынина // Ежедневный журнал. – 2012. – 3 июля.
 12. Леонов Н. Фидель Кастро: История меня оправдает / Н. Леонов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.great-country.ru/rubrika_articles/international/110813-02.html
 13. Маньков С. Христианин, а потом уже все остальное / С. Маньков // Монархистъ. – 2007. – № 60 [Электронный ресурс]. – URL: <http://monarhist-spb.narod.ru/Archives/monarhist-60.htm#4>
 14. Минаев С. Чилийское экономическое чудовище / С. Минаев // Власть. – 2006. – 18 декабря.
 15. Оровецкий К. Августо Пиночет і розділена країна / К. Оровецкий // Українська правда. – 2006. – 18 грудня.
 16. Пидлуцкий О. Аугусто Пиночет: генерал, который одел на нацию «железные штаны» / О. Пидлуцкий // Зеркало недели. – 2003. – № 26 (451). – 12 – 25 июля.
 17. Підлуцький О. Августо Пиночет: генерал, який одягнув на націю «залізні штани» / О. Підлуцький // Дзеркало тижня. – 2003. – 11 липня.
 18. Пиночет как зеркало российского либерализма [Электронный ресурс]. – URL: <http://sarmata.livejournal.com/228775.html?thread=3391655>
 19. Ратушняк: мій взірєць – диктатор Пиночет [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine/2009/12/091218_ratushnyak_ie_sp.shtml
 20. Сазанович Е. Железный Фидель / Е. Сазанович [Электронный ресурс]. – URL: http://www.xn--80afgmamexaj0b.xn--p1ai/news/daty_zheleznyi_fidel_elena_sazanovich/2011-08-12-433
 21. Сидорчик А. Глаза, полные лжи. Как Аугусто Пиночет вошел в историю / А. Сидорчик // Аргументы и факты. – 2015. – 25 ноября.
 22. Солонин М. Открытое письмо Юлии Латыниной / М. Солонин [Электронный ресурс]. – URL: http://www.solonin.org/article_otkrytoe-pismo-yulii
 23. Соцсети и СМИ обсуждают смерть отца кубинской нации Фиделя Кастро. Умер – другой Фидель Кастро [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/01/11/socseti-obsuzhdayut-smert-legendy-socialisticheskogo-soprotivleniya-fidelya-kastro.html>

24. Справжня хунта. Як Аугусто Піночет, розв'язавши кривавий переворот, врятував Чилі від розорення // НВ. – 2015. – 6 вересня.
25. Супруненко О. Не може бути піночетів із новим праведним законом / О. Супруненко [Електронний ресурс]. – URL: <http://h.ua/story/25887/>
26. Тарасов А. Верите, что можно подружиться с крокодилом? Памяти либералов-журналистов, убитых либералами-военными – в прошлом, настоящем и будущем / А. Тарасов [Электронный ресурс]. – URL: <http://saint-juste.narod.ru/crocodile.htm>
27. Тарасов А. Хватит врать о Пиночете. Правда о Чили / А. Тарасов [Электронный ресурс]. – URL: <http://saint-juste.narod.ru/pin.htm>
28. Фидель Кастро [Электронный ресурс]. – URL: <http://cubanos.ru/fidel.html>
29. *Фидель Кастро и Николас Мадуро обсудили вопросы мировой политики* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2943199>
30. Фиштейн Е. 50-я годовщина кубинской революции. Наследие Фиделя Кастро / Е. Фиштейн [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/479440.html>

ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА В БОЛГАРИИ

Георги Коларов

Наркотрафик, партизанская война и левый поворот в Латино-Карибской Америке

В двух карибских странах развиваются конфликты с США и внутреннее противостояние. Пропагандистская война Вашингтона против бывшего председателя венесуэльского Парламента Диосдадо Кабельо сочетается с активизацией колумбийской армии против повстанцев из Революционных Вооруженных Сил Колумбии (Фуерсас Армадас Революсионариас де Колумбия – ФАРК, на фоне мирных переговоров между ними в Гаване). США уже официально включили в «черный список» бывшего второго человека в венесуэльской иерархии и предшественника Николаса Мадуро на вице-президентском посту, во времени Уго Чавеса. Его обвинили в руководстве преступной группы, которая занимается производством и распространением наркотиков. Он объявлен в международном розыске, за то, что якобы возглавляет главный венесуэльский наркокартель и экспортирует наркотики в США. После таких обвинений, с американских государственных органов уже нельзя ждать ничего хорошего. Диосдадо Кабельо фактически становится невъездным, за исключением братских для Венесуэлы стран АЛБА, таких союзников Каракаса, как Пхеньян, Тегеран, и, конечно, Москва. Венесуэльский социолог болгарского происхождения Кирилл Ангелов поделился с автором этих строк, что для США будет гораздо удобнее поймать бывшего председателя венесуэльского Парламента, во времени его зарубежного визита, чем ввязываться в рискованную и дорогостоящую военную интервенцию.

Хотя, после его удаления с поста и возникших разногласий с министром обороны, генералом Владимиром Падрино Лопесом, венесуэльская армия, может быть, и не будет воевать из-за него.

Надо все-таки иметь в виду, что во первых, Венесуэла состоит в блоке АЛБА и может рассчитывать на

многочисленные и хорошо вооруженные армии Куба и Никарагуа. Их лояльность высшему руководству обеих стран нельзя ставить под сомнение (чего не скажешь об армиях других членов АЛБА – Боливии и Эквадора). Да и сама венесуэльская армия недавно в очередной раз очистилась от потенциальных путчистов. Однако, если, вслед за Диосдадо Кабелью, президент Николас Мадуро потеряет пост, оппозиционное к боливарианцам большинство венесуэльцев не простит армейским офицерам (и даже простым солдатам) долголетнее правление военных.

Сейчас становится понятным, почему Кабелью и его патрон – покойный Уго Чавес с такой большой скоростью скупали российское оружие. Они, как профессиональные военные, чувствовали угрозы со стороны «Дяди Сэма», которая, как всегда, имеет безупречную юридическую подоплеку. Так было и 15-16.12.1989г., когда 82-я переносная воздушно-десантная дивизия США напала на крошечную Панаму, чтобы арестовать генерала Мануэля Антонио Нориегу национал-демократа, наследника своего патрона Омара Торрихоса. Впечатляет, что в Вашингтоне не осмелились открыто воевать против генералов-классиков военных национал-демократических революций в Латинской Америке. Открыто они не свергли ни Уго Чавеса, ни Омара Торрихоса, ни Хуана Веласко Алварадо в Перу, ни Хуана Хосе Торреса в Боливии. У них был слишком большой международный авторитет, чтобы навлечь на себя гнев мировой прогрессивной общественности.

Омар Торрихос погиб в сомнительной авиакатастрофе, а Уго Чавес умер от сомнительного рака. Их правые руки и наследники оказались более уязвимыми, в том числе и в личном моральном плане – биография и Мануэля Антонио Нориеги, и Диосдадо Кабелью, на самом деле, далеко не безупречная. И тот, и другой, задолго до их возвышения на политический Олимп, были объектом упорных слухов: их считали и считают главарями наркомафий в своих странах. И никто не удивляется обвинениям со стороны ФБР США. Диосдадо Кабелью - самый богатый человек в Венесуэле. Там бытует пословица (или анекдот), что «все венесуэльцы работают на Диосдадо Кабелью, только не все об этом знают». Впервые подозрения в его сопричастности к нарко-картелю «Де Лос Солес» (от солнц) появились весной 2002г., после неудачной попытки путча против Уго Чавеса. Тогда Диосдадо

Кабельо был вице-президентом и триумфальным образом вернул Чавеса на вертолете в президентский дворец. С тех пор, никто не смеет угрожать его позиции во власти в Каракасе. Об этом рассказывал уже упомянутый Кирилл Ангелов. Тогда мировые СМИ о нем почти ничего не говорили. В центре внимания был команданте Уго Чавес.

Очень трудно вспомнить леворадикальную революцию в регионе, которая обошлась без нарко-скандалов. В 1989г. на Кубе были приговорены и казнены высшие офицеры, которые занимались нарко-трафиком в особо крупных размерах и были в контакте с колумбийским картелем тоже покойного Пабло Эскобара. Главным среди них был генерал Арнальдо Очоа Санчес – самый молодой «команданте де ла революсион», на этот момент четвертый по старшинству кубинский военный, после Фиделя и Рауля Кастро и генерала Улисеса Росалеса Дел Торро. Последний председательствовал военного суда чести и выдал намеченным виноватым самые тяжелые приговоры. Казнены были и братья-близнецы Ла Гуардия и еще трое высших офицеров. А министр внутренних дел генерал Хосе Абрантес Фернандес получил 25-лет и «сам повесился» в тюрьме...

После этого, Улисес Росалес Дел Торро был удален из вооруженных сил и назначен министром по собиранию урожая сахарного тростника. Среди друзей Кубы во всем мире осталось сомнение в том, что братья Кастро знали обо всем и воспользовались поводом устранить генерала, которого подозревали в подготовке военного переворота. Им нельзя было не знать, если Арнальдо Очоа Санчес, который в это время командовал кубинскими войсками в Анголе, умудрился построить там завод по переработке наркотиков (этот факт потом был упомянут в официальном обвинении)!

На этом этапе наблюдается новая тенденция: леворадикальные латиноамериканские президенты, такие как Эво Моралес в Боливии и Хосе Мухика в Уругвае легализовали частично производство и употребление наркотиков и не дали никому возможность обвинять их в преступной деятельности.

Эво Моралес даже объявил, что будет строить в Боливии «нарко-социализм» и таким образом, продемонстрировал перед всем миром, что кока является частью кухни и культуры его народа.

Один раз на заседании президентов стран АЛБА, покойный Уго Чавес поддержал Эво Моралеса курением сигары коки. Он публично, на глазах у всего мира, дал понять, что она ему нравится! И, таким образом, бросил вызов «новому мировому порядку» и тем международным силовым и юридическим организациям, которые преследуют распространение и производство наркотиков.

Кристина Фернандес Де Киршнер тоже собиралась легализовать их в Аргентине. Ее преемник на президентском посту Маурисио Макри строго следует за рекомендациями, со стороны Капитолия и Белого Дома (он сторонник Республиканской Партии США) и сводит на нет все такие попытки.

Уже четверть века, среди исследователей латиноамериканской левой бытует термин «нарко-трафикант-герилеро». Он относится, прежде всего, к колумбийским партизанам из ФАРК и Армии Национального Освобождения (Эхерсито де Либерасион Насионал – ЭЛН) и перуанским из Коммунистической Партии Перу «Сендеро Луминосо» (сияйная дорожка). Речь идет о том, что охраняют районы сбора урожая, производства наркотиков, и транспортировки в США и западноевропейские страны. Конкретно, перуанские специальные службы считают, что сендеристы зарабатывают в год 40 миллионов долларов, на закупку оружия и амуниций.

После Второй мировой войны, первая в Латинской Америке партизанская война началась именно в Колумбии. Давно известно ее определение, как страна, в которой каждый воюет против каждого и всех. В один момент там действовало 57 левых партизанских группировок. Самые организованные и многочисленные входили в Национальный партизанский революционный совет «Симон Боливар». Это были уже упомянутые ФАРК и ЭЛН, Народно-Освободительная армия (Эхерсито Популяр де Либерасион - ЭПЛ), которая следовала за заветами Мао Цзе Дуна, боевая организация колумбийских индеанистов «Кинтин Ламе», троцкистская боевая группа «Рабочая самооборона», социал-демократическая партизанская группировка «М-19», которая в марте 1990г. прекратила вооруженную борьбу и разоружилась перед представителями Социнтерна.

Самая известная и авторитетная колумбийская партизанская армия – ФАРК была создана для противостояния

государственной армии, которую постоянно направляли на защиту интересов олигархии и репрессии против крестьянского населения. Вооруженному сопротивлению не было альтернативы. Основоположники ФАРК нацелились с самого начала на радикальную смену политической и социально-экономической системы в стране. Главным из них был уже покойный Мануэль Маруланда Велес. Он объявлял, что ФАРК стремится к «завоеванию власти посредством вооруженного народного восстания, в комбинацией с генеральной забастовкой в рабочих секторах и в остальных трудовых слоях в стране».[1] В начале, партизаны были выходцами из крестьянства, потом стали привлекать представителей рабочих, студентов, интеллигентов. Партизанские командиры в основном являются представителями городских средних слоев. Они следуют за заветами Мануэля Маруланды Велеса, об «экономической, социальной и политической революции».[2] Он считал, что «главный враг комубийского народа – северо-американский империализм».[3] По его мнению, «надо разъяснять военнослужащим, что они служат чужим интересам и превратить войну между партизанами и военными в войну партизан и военных против капиталистической системы».[4] Мануэль Маруланда Велес организовал лагеря для подготовки в отдаленных горных районах. Там обучаются даже городские партизаны.

Стратегом и тактиком партизанской войны ФАРК стал соратник Мануэля Маруланды Велес – Хакобо Ареназ. Он развил в колумбийских условиях концепцию о «герра популяр пролонгада» (продолжительная народная война). По его мнению, «партизанское движение может продолжаться десять, или даже пятнадцать лет, до взятия власти».[5] Указывает на опыт сандинистов, которые уцелели до появления революционной ситуации, отмечая, что там, «где нет революционной ситуации, не может развиваться партизанское движение масс, которое повлияет на решительность народа и народную мобилизацию для перемены социальной системы».[6]

Эти цитаты содержатся в знаменитой самиздатовской брошюре команданте Карлоса Аранго Сунига «ФАРК – двадцать лет», которая, после ее нелегального издания в колумбийской столице Богота, стала настольной книгой всех левых радикалов и революционеров в Латинской Америке.

Российский исследователь Збигнев Ивановский пишет: «Основным фактором внутривнутриполитической жизни Колумбии остается внутренний вооруженный конфликт, продолжающийся уже более пятидесяти лет.[7] Цитирует лидера команданте Тимолеона Хименеса (Тимошенко): «У партизан нет никакой альтернативы, поскольку за контроль над государством борются две группировки насильственной олигархии».[8] Призыв «добываться широкой коалиции левых сил, выступающих за политическое решение внутреннего конфликта, прекращение огня»[9] выглядит как ПР-акция.

Многие российские и мировые исследователи думают, что к колумбийским партизанам наиболее применим термин «наркотрафикант-герриллеро». Другие считают рядовых партизан (а некоторые даже их боевых командиров) бескорыстными идеалистами. Бесспорен один факт: социально-экономическая ситуация в Колумбии и репрессии со стороны силовых государственных органов довели этих людей до полного отчаяния и готовности отдать свою жизнь за справедливость.

В самом начале Мануэль Маруланда Велес организовал своих сторонников спонтанно, для защиты родовой земли (в первом отряде все бойцы были его ближайшими родственниками). Только потом они ознакомились с марксистской идеологией и стали считать ее руководящей в своей партизанской войне. В организационном плане ФАРК никогда не имели ничего общего с Колумбийской Коммунистической Партией (ККП). Она была создана сотрудниками Коминтерна и долго была под влиянием функционера Коммунистической Партии США Эрля Броудера, который считал, что в Латинской Америке коммунисты должны действовать в рамках возможного, не выходя из рамок политической системы государства. Он призывал не провоцировать социально-политические конфликты, а действовать в рамках парламентской системы. Так, после Второй мировой войны, коммунистическое движение в регионе потеряло революционный характер.

И доказало один из главных принципов классовой борьбы и революционного движения: когда субъективный фактор (революционная партия) перестанет отвечать объективным потребностям революционной ситуации и отражать настроения эксплуатируемых классов, неминуемо отходит на второй план и

уступает свое место новой революционной организации, которая находится в состоянии вести вооруженную борьбу, отстаивая до конца интересы движущих сил революции.

Так и случилось в Колумбии: коммунисты надеялись на продолжение борьбы исключительно в рамках парламентаризма и синдикализма и упустили стратегическую инициативу, за счет военно-политических формирований. Поэтому, не было оснований утверждать, что партизанским движением в Колумбии манипулирует «длинная рука Москвы». Даже наоборот – политическая стратегия и тактика ККП уже приспособлялась к результатам вооруженной борьбы партизан.

Самый известный идеолог колумбийских коммунистов, депутат Парламента и профсоюзный деятель Мануэль Сепеда, в многочисленных и продолжительных наших беседах, рассказывал: «как бы не хотелось руководству ККП поставить под свой контроль партизан из левых группировок и направлять их деятельность. – это пока нам не удастся». Его расстреляли перед домом отряды Объединенной Самообороны Колумбии «аутодефенса унида де коломбия» – АУК. Колумбийские коммунисты сходят с политической сцены, а партизаны из двух самых активных и многочисленных группировок – ФАРК и ЭЛН воюют, прежде всего, из-за поправленных чести и достоинства, со стороны армии и полиции. Конечно, многие увлекаются возможностью легкой наживы и сытной жизни, после накопления определенного состояния, в результате производства и распространения наркотиков. Те из них, которые переходят на службу в нарко-картели, резко повышают свой жизненный стандарт, на фоне всеобщей бедности. Кроме того, Колумбия и Венесуэла, вместе с Сальвадором, Гватемалой, Гондурасом и Мексикой, являются лидерами по численности убийств на душу населения, в Латинской Америке и во всем мире. Участие в партизанском движении не слишком меняет для них перспективы выживания. За первую неделю июня 2015г. колумбийская армия предприняла ряд атак на позиции партизан, ликвидировала 40 из них, в том числе высших командиров ФАРК. Большинство были убиты, во времени спец-акций и бомбардировок из вертолетов и самолетов (некоторые российского производства). Осуществлялось наступление по всей территории страны, с видимым намерением вернуть власть в руки государства в

мятежных зонах. Совпадение с новой волной нажима на Диосдадо Кабелью вряд ли являлось случайным.

Именно факт, что Колумбия, которая не контролирует огромную часть своей территории и вкладывает грандиозные по своим масштабам средства и человеческие ресурсы в армию, полицию и другие силовые государственные органы, обогнала в своем экономическом развитии Венесуэлу, которая располагает самыми значительными запасами нефти в мире, служит аргументом для противников боливарианизма и сторонников либерализма в Латинской Америке. «С 2002 по 2010г. ВВП вырос с 90 по 255 млрд долларов, по этому показателю Колумбия обошла Венесуэлу и поднялась с пятого на четвертое место в регионе».[10] Ведущие российские эксперты считают, что «разрыв между экономикой Колумбии и развитых стран вряд ли может быть преодолен в краткосрочной и среднесрочной перспективе, однако его сокращение при сохранении относительно благоприятных условий весьма вероятно. [11] Этот факт уже стал достоянием даже и тем бедным колумбийцам, которые в силу своих симпатий к Уго Чавесу и боливарианизму, переехали в Венесуэлу, устроились на работу и получили гражданство, являясь стратегическим электоральным резервом для правящих в Каракасе. Пока интенсивно шли мирные переговоры между правительством и ФАРК в Гаване, на фоне нехватки элементарных продуктов питания и быта в Венесуэле, многие из них стали ориентироваться на возврат на Родину. Другие были выгнаны приказом президента Николаса Мадуро. вследствие перестрелок на границе, между колумбийскими нарко-трафикантами и венесуэльскими правоохранительными органами.

С одной стороны, партизанская война в Колумбии снова разгорается, с другой, в Венесуэле без войны живется все хуже, из-за бездарного управления экономикой Николасом Мадуро. Вполне возможна агрессия США: Вашингтон попытается расправиться со самым старым партизанским движением в Латинской Америке, среди тех, которые развивались без перерыва (у сандинистов был перерыв на 30 лет). Это будет начало возврата «Дяди Сэма» в его «заднее подворье». Если США восстановят свои позиции на южном Карибском побережье, флоты России и Китая не смогут чувствовать себя там так свободно, как сейчас. Кстати, есть и первые признаки

перемены в соотношении сил: Гавана отменила совместные китайско-кубинские военно-морские учения, из-за существенного улучшения отношений с Вашингтоном. В таком случае, под угрозой могут быть поставлены и российско-китайско-никарагуанские проекты об обеспечении инвестиций и охране строительства Никарагуанского Канала. Это будет поражение и уход с политической сцены самого перспективного союзника Москвы и Пекина – Лауреано Ортеги. Сын президента Даниэля Ортеги и племянник бывшего министра обороны и победителя с «контрас» Умберто Ортеги возглавляет компанию по строительству Никарагуанского Канала и является сопредседателем российско-никарагуанской комиссии по экономическому сотрудничеству. В декабре 2015г. ему пришлось объявить о заморозке проекта на год. Он метит в пост своего отца. У Даниэля Ортеги и Росарио Мурильо шестеро детей. Они продолжают традицию правления в Никарагуа семейным кланом. Без помощи Москвы и Пекина, Вашингтон их быстро задавит. И сохранит монополию на переход из Атлантического в Тихий Океан в Карибском бассейне. Хотя, формально вернул Панамский канал Панаме. Там сейчас правит проамериканское правительство, которое старается забыть об Омаре Торрихосе и Мануэле Нориеге. И даже о независимости, бросаясь в объятия США.

Актуальными являются воспоминания советского дипломата Александра Дзасохова о конференции Организации латиноамериканской солидарности (ОЛАС) в Гаване в августе 1967г. Там он был вынужден услышать антисоветские заявления со стороны делегатов Боливии, Доминиканской Республики и т. д. о том, что «СССР поддерживает марионеточные режимы латиноамериканских стран в форме развития экономического, торгового, технического сотрудничества».[12] По их мнению, эти связи «сковывают революционное движение на континенте».[13] Тем более, что как утверждают эксперты ИЛПРАН, «политическая напряженность в Колумбии дала толчок к развертыванию военно-технического сотрудничества. Колумбия стала первой страной региона, заключившей еще в 1996г. соответствующее соглашение с РФ. В его исполнение в следующем году был подписан контракт на поставку для сухопутных сил 10 вертолетов Ми – 17, используемых в борьбе леворадикальными незаконными вооруженными формированиями и

наркоторговцами. В 2000-2009гг. Россия превратилось в третьего (после США и Испании) поставщика вооружений. В указанный период Колумбия стала третьим рынком сбыта российской военной техники в Латинской Америке (после Венесуэлы и Мексики). Основу российских поставок составляют вертолеты. К 2010г. на вооружении колумбийской армии находилось 25 летательных аппаратов серий Ми-17-IV, Ми-17-MD, и Ми-17-5V».[14] В случае, чисто экономические интересы обоих государств превзошли политическую целесообразность.

Таким образом, российский военно-промышленный комплекс обязывает непосредственных соседей Колумбии тоже искать поставщиков вооружения. Сам факт качества российских вооружений и их давние поставки склоняет руководителей этих стран закупать новые партии российского оружия. То есть, от неразрешенных территориальных проблем Боготы с соседними странами и от внутреннего вооруженного конфликта, Российская Федерация пока-что выигрывает.

Библиографический список

1. Zuniga Carlos Arango. FARC – Veinte anos. Ediciones “Aurora”. Bogota, 1984. С.13.
2. Там же. С.96.
3. Там же. С.100
4. Там же. С.102
5. Там же. С.39
6. Там же
7. Збигнев Ивановский. Социально-политическая ситуация в Колумбии и электоральные процессы 2014 года. - Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Сборник. ИЛАРАН. Москва. 2015. С.213
8. Там же. С.225
9. La andanada de las FARC contra Santos//Semana, 5.VI.2014
10. Колумбия: обнадеживающие перемены. Сборник. ИЛАРАН. Москва. 2011. С.38
11. Там же. С.59
12. Александр Дзасохов. Вторая половина XX века – это была эпоха! – История без купюр: от прошлого к настоящему. Международная жизнь. Специальный выпуск. Москва. 2013. С.157
13. Там же.
14. Колумбия: обнадеживающие перемены. Сборник. ИЛАРАН. Москва. 2011. С.82-83

Проблемы политической регионализации и российский фактор в Латинской Америке в контексте парагвайско-боливийских отношений

Условные границы, установленные в первой половине XIX-го века между латиноамериканскими государствами, после отвержения господства Испании и Португалии, в его второй половине стали причиной их кровавого передела, последствия которого этот регион мира ощущает до сих пор.

Яблоком раздора между Парагваем и Боливией стал малонаселенный, болотистый район Гран Чако, бедный природными ресурсами, очаг распространения заразных болезней. Там проживали в те времена только индейцы гуарани. Несколько десятилетий обе стороны пытались строить там укрепленные форты. Однако, в начале 30-х лет XX-го века, распространились данные о наличии в Гран Чако нефти. К этому времени, в Боливии обосновалась американская компания Standart Oil, а в Парагвае – британская Shell Oil. Их хозяева подтолкнули обоих президентов развязать войну. В конце концов, нефть нашлась только в 2012г., до этого данные не подтверждались геологами.

Боливийская армия в три раза превосходила парагвайскую по численности и была намного лучше оснащена технически. Ее командование надеялось на легкую и быструю победу. В ней состояли многие немецкие офицеры и солдаты, в том числе среди тех, кто воевали с армией Российской Империи в Восточной Пруссии. Этот факт спровоцировал белогвардейцев, в основном ветеранов армии барона Врангеля, свести с ними счеты. И они встали во главе ничтожной по численности армии Парагвая, состоящей накануне войны преимущественно из новобранцев-крестьян, без никакого представления о военном деле. Даже большинство из них не имели привычки надевать обуви и в результате, целые подразделения воевали босиком. Из-за этого часто случались увечья.

Вчерашние солдаты и офицеры-белогвардейцы, после ухода из России, искали где поселиться и начать новую жизнь. Часть их попало в Латинскую Америку. В Парагвае первые

казацкие селения возникли в 1922г. В 1924г. в столицу Асунсьон прибыл генерал-майор Иван Тимофеевич Беляев.

Он родился в Санкт-Петербурге в 1875г., в семье потомственных военных. Закончил Кадетский Корпус и Михайловское Артиллерийское Училище. Начал военную карьеру подпоручиком Лейб-гвардии Стрелкового Артиллерийского Полка. Проявилась и потомственная склонность к науке. Стал видным военным теоретиком, заметно продвинул вперед российскую военную науку, конкретно в артиллерийской сфере. В Первой мировой войне командовал артиллерией на самых опасных участках. После тяжелого ранения в 1916г., восстановился и участвовал в Брусиловском прорыве. Там командовал отдельным полевым тяжелым артиллерийским дивизионом. После ВОСР определенное время сохранял нейтралитет, пока в 1918г. не вошел в Добровольческую армию белогвардейцев. В 1920г. из Новороссийска отплыл в Стамбул и оттуда вошел в Болгарию.

В 1924г. был приглашен в Военную Школу в Асунсьон, в качестве преподавателя фортификации и французского языка. Кроме того, занялся топографическими экспедициями в Гран Чако. Там изучал быт и культуру гуарани, которые из-за гуманного отношения к ним, дали ему прозвище «Белый Отец». В 1933г. (за год после начала войны) был назначен начальником Генерального Штаба армии Парагвая. На эту должность привлек из Европы многих своих старых соратников.

Война была выиграна, благодаря, прежде всего, факту, что он лично командовал боевыми действиями на особенно важных участках фронта. Генерал Беляев и его соратники показали все достоинства российской имперской военной школы и традиции. И взяли реванш у немцев.

Война закончилась перемирием в 1935г. $\frac{3}{4}$ территории Гран Чако отошла к Парагваю, который потерял 30 000 убитыми, а Боливия – 60 000. Генерал Беляев стал национальным героем страны.

Войну художественным образом претворил в своих романах и рассказах парагвайский писатель Аугусто Роа Бастос, а биографию генерала Беляева проанализировал российский историк, заместитель директора Института Латинской Америки РАН, проф. д. и. н. Борис Мартынов.

После ухода из армии, генерал посвятил себя коренному населению Парагвая. Сумел повысить его статус до статуса

белых испаноязычных. На его похоронах в 1957г. присутствовала вся парагвайская военная и политическая элита. Русские и их потомки занимают в ней прочное место.

Вояж Московского и Всея Руси Патриарха Кирилла по Латинской Америке смело можно назвать историческим. После столетий враждебности и взаимной изоляции, состоялась историческая встреча с Римским Папой Франциском и была заложена основа диалога и сближению между католической и православной церквями. Оба обращались друг к другу словом «брат» и выделили общие христианские ценности, в качестве приоритета для будущей совместной деятельности.

Теологические различия, конечно, остались, но это не главное. Самое важное – практика. Именно она является критерием исторического процесса. А на этом этапе, и Папа, и Патриарх готовы к объединению усилий по спасению христиан на Ближнем и Среднем Востоке. И к упорной работе по спасению христианских ценностей, на фоне морального разложения, прежде всего, в Европе.

Многое с того, что они обсуждали только с помощью переводчиков, осталось секретом для всего мира. Однако, с высокой долей вероятности, можно предположить, что речь шла об объединении не только церквей, но и мирового политического класса, для отражения самых опасных вызовов начала 21-го века: этно-религиозный экстремизм и терроризм, климатические перемены, угроза ядерной аварии, голод и недоедание, нарушения права человека, прежде всего женщин и детей.

Папа Франциск приехал в Парагвай в первой половине июля 2015г. Визит стал настоящим национальным праздником для граждан страны. Он подтвердил католическую идентичность парагвайского государства. Она преобладает, на фоне присутствия православия и язычества.

Очень важным был визит патриарха в Парагвай для местных потомков русских белогвардейцев. Именно они, став элитой парагвайского общества (что само по себе прецедент в бывшем государстве иезуитов), не допустили масштабного распространения коммунистических и революционных идей в этой стране. Парагвайская Коммунистическая Партия (ПКП) была так слаба, что ее Генеральный Секретарь Антонио Майдана (который провел немалую часть своей жизни в тюрьме) пользовался поддержкой и Москвы, и Пекина, после

раскола между КПСС и КПП – ему не было альтернативы. В других странах региона компартии раскололись и враждовали.

На фоне многочисленных латиноамериканских общин в социалистической Болгарии, в 50-х – 80-х годах XX-го века, составленные активистами местных коммунистических партий и революционных движений, КПП представляла только многодетная семья Кампос: отец, мать и пятеро детей.

Кроме того, хотя открыто поддерживали СССР в Отечественной Войне, после Великой Победы, белогвардейцы объединились с нацистами, добравшимися до Парагвая. И не допустили никаких революционных потрясений в следующих десятилетиях. Самая долголетняя военная диктатура в Латинской Америке – этнического немца Алфредо Стреснера продлилась бы еще, если бы его не снял сват – командующий Сухопутными Войсками генерал Андрес Родригес. Единственным левым президентом был теолог освобождения Фернандо Луго. 22.06.2012г. его сняли. В том числе из-за непристойного для священника поведения: многочисленные внебрачные дети (о которых стало известно после занятия президентского поста) стали причиной приклеить кличку: «отец нации»...

Его сняли из-за стычки 16.06.2012г. между органами правопорядка и группой безземельных крестьян (во времени захвата ими чужой недвижимости), в которой погибло 13 человек, с обеих сторон. Фернандо Луго не показал себя в этой ситуации эффективным главнокомандующим. Президентские полномочия, до конца мандата, выполнял вице-президент Федерико Франко.

Его снятие спровоцировало бурную дипломатическую реакцию в латиноамериканском регионе. До проведения следующих президентских выборов, Асунсьон был изолирован соседями и страна была исключена из региональных политико-экономических и организаций (уже восстановлена).

22.04.2013г. кандидат консервативной партии «Колорадо», табачный магнат Орасио Картес выиграл 46% голосов на президентских выборах у либерала Лино Овиедо, за которого голосовали 37% избирателей. Победа Картеса была predetermined, после гибели 04.02.2013г. кандидата правых Эфраина Алегре. Тогда «правая волна», в политическом смысле, уже накрывала Парагвай.

Встреча с патриархом восстановила и укрепила связь их потомков с исторической Родиной. Она очень важна для них, на фоне отсутствия значимых политических и бизнес-контактов между Российской Федерацией и Республикой Парагвай и президентами Путиным и Картесом.

После Второй мировой войны, бывшие нацисты обосновались и в Боливии. Однако, они не смогли предотвратить распространение левых идей – к их приходу, для этого было уже слишком поздно.

Самая большая мировая победа троцкистов, после гибели их вождя в 1940г., стало принятие в 1946г. Федерацией Боливийских Шахтеров «Тезисов из Пулакайю». Маленькая Революционная Рабочая Партия (ПОР – партидо обреро революсионарио) смогла одолеть самый большой профсоюз в стране, провозгласить на своем конгрессе необходимость полной независимости пролетариата и стратегию перманентной революции. Это происходило, вопреки ожесточенному сопротивлению связанной с Коминтерном Партии Революционных Левых, которая имела значительное влияние на профсоюз и являлась сильнейшей партией в Боливии. До 1935г. она главенствовала над левыми политическими силами в стране. Но тогда в Кордобе (Аргентина) Хосе Агире Гинзбург и Тристан Мароф создали Революционную Рабочую Партию (впоследствии Тристан Мароф отделился и образовал Социалистическую рабочую Партию Боливии). У новой партии была троцкистская ориентация. Она начала борьбу за влияние в синдикальном движении и постепенно завоевала сильные позиции в Федерации Боливийских Шахтеров, которая быстро росла и превращалась в конкурента Синдикальной Организации Рабочих Боливии (под контролем Партии Революционных Левых). Федерация Боливийских Шахтеров было связана также с Первым Национальным Крестьянским Конгрессом Боливии. Они тоже попали под влиянием троцкизма.

«Тезисы из Пулакайю» стали поворотным пунктом в боливийском рабочем движении. Они вышли из постановки классового сотрудничества, коллаборационизма с властью имущих, одновременно признали буржуазно-демократическую революцию как единственно возможную для страны и планировали постепенное улучшение условий жизни и труда для боливийского пролетариата. Одновременно с этим, вопрос о власти был провозглашен на языке перманентной революции.

Их подход приобрел известность, как в Боливии, так и вне ее и являлся самой радикальной революционной программой. Они стали известны, но никто не знал точно их платформы, методов и направленности. В момент их распространения и обсуждения среди европейских и североамериканских секций IV Интернационала, там очень слабо были информированы о ПОР. И действительно, эта партия не показала большого революционного потенциала, во время социальных революций в 1952, 1971 и 1985 годах. Одна из причин этого – предательство, или скорее, двойная игра Хуана Лечина Окендо – лидера Федерации Боливийских Шахтеров.

На основе тезисов, был построен парламентский блок шахтеров, который выиграл семь мест в Верхней Палате Парламента и два в Сенате. Профсоюзная активность, которая переросла в политическую, создала ошибочное впечатление у Че Гевары, что боливийский народ, в целом, готов подняться на вооруженное восстание против компрадорской олигархии и реакционной военщины, для защиты своих элементарных человеческих и общинных прав, против расовой дискриминации. Результатом его эпопеи стало возникновение партии «Левое Революционное Движение», во главе с Хайме Пасом Саморой, который потом дошел до президентского поста.

Военный переворот левого крыла боливийской армии в октябре 1969г., которого возглавил генерал Обандо Кандия, стал возможен благодаря поддержке гражданского населения, прежде всего рабочих. В «Революционном мандате национальных вооруженных сил» он и его соратники разработали ряд принципов революционного национализма. Они обвинили правые политические силы и приверженцев традиционализма в том, что мешают прогрессивным преобразованиям в стране и сохраняют отсталые социально-экономические структуры. Обандо Кандия выступал за подлинное развитие страны, которое обеспечивает национальную независимость и социальную справедливость и не совершается за счет человеческого достоинства и суверенитета страны, за развитие политических и экономических отношений со странами из социалистического лагеря, на основании общих интересов и взаимовыгодного сотрудничества. Не довел своего дела до конца.

Впоследствии, его место занял генерал Хуан Хосе Торрес. Он лишил власти ориентированную на США олигархию. Военное правительство выражало интересы мелкой городской буржуазии, рабочих и крестьян. Оно попыталось реализовать национально-революционную модель развития.

Тогда была национализирована североамериканская нефтяная компания «Боливиан Галф Ойл», была введена государственная монополия на экспорт минеральных ресурсов, было отменено военное положение в шахтах, углубилась аграрная реформа, ограничили позиции крупного частного капитала. Торрес опубликовал долгосрочную программу развития страны под названием «Социально-экономическая стратегия национального развития на 1971-1991гг.». Ее авторы тоже исповедовали революционный национализм, с позиции которого пытались объяснить место Боливии в мире, ее зависимый характер развития, из-за вмешательства империалистических держав и наличия внутренней реакции. По их мнению, выход из этой ситуации возможен только путем глубоких социальных преобразований, которые обеспечили бы независимость развития и экономическую самостоятельность страны. Эти преобразования должны были касаться, прежде всего, форм собственности. Торрес выступал за единение всех политических сил, стоящих на позиции анти-империализма. Он также стремился привлечь более глубоко боливийскую армию в революционный процесс и полностью воссоединить ее с народом, особенно с рабочими, преодолевая последствия политики правых военных кругов, которые опирались на крестьян, настраивая их против рабочих. Однако, борьба между разными течениями в армии, давление со стороны США, критика левых и крайне левых, довели до ослабления позиций президента Торреса.

В августе 1971г. правое армейское крыло устроило путч и устранило его от власти. Его режим характеризовался непоследовательностью и ограниченностью. Поэтому и не привел к большим переменам в развитии страны. Хотя, имея в виду кризисную ситуацию, в которой находилась боливийская экономика до президентских выборов 2006г., нельзя было исключить, что военные националисты опять попытаются взять судьбу народа и государства в свои руки, чтобы вывести из кризисной ситуации. Избрание левого радикала-индеаниста Эво Моралеса, успокоило армию. Его приход к власти породил

надежду о социальной революции, прежде всего, в сфере культуры, образования, здравоохранения, экологии (нормам которой должен соответствовать процесс производства). Новый президент обещал положить конец ненависти, расизма, дискриминации, индивидуализма. Остановил «инерцию исторической неполноценности прежних правительств Гонсало Санчеса Де Лосады, Кироги Рамиреса, Карлоса Диего Месы, Эдуардо Родригеса» и т. д. Они были представителями экономического и политического либерализма и его оппонентами.

Эко Моралес объявил, что «стабильность во власти – самая важная в борьбе с вечными врагами: США, Великобритания, капитализм, империализм». Он подчеркнул, что «у нас никогда не было стабильности. Совершали переворот за переворотом». По его мнению, «внешние силы работают на политическое разделение, чтобы грабить наши природные ресурсы». Основным политическим лозунгом для президента и вице-президента стал: «Не власть для Эво, а власть для народа!»

Эво Моралес один раз говорил перед Конгрессом 5 часов и 47 минут, пытаясь побить рекорд Фиделя Кастро. Старается все время поддерживать контакт с простыми людьми, чтобы не растерять перед ними своего авторитета. Поэтому, каждый день путешествует в провинцию, встречается со своими избирателями, обсуждает с ними их ежедневные проблемы. Борется за права традиционно ущемленных бедных граждан и национально-этнических меньшинств. Поэтому, до сих пор сохраняет большую популярность в тех кругах, которых покровительствует.

Своим главным достижением во внешне-политической и внешне-экономической сфере считает факт, что «мы уже не та страна, которая боится и остерегается от контакта с окружающим миром».

Он по происхождению индеец-аймара. Родился в 1960г. в бедной, многодетной семье, в дальней, заброшенной деревне в Андах. Жил скромно и усердно работал, постепенно пополняя свой интеллектуальный потенциал чтением политических и исторических книг. Его попытка завоевать президентский пост парламентским путем в 2002г., закончилась неудачей. Тогда Эво Моралес возглавил акции гражданского неповиновения, в которых участвовали, прежде всего, так называемые

«кокалерос» (крестьяне, занимающиеся выращиванием коки). А также, профсоюзы, гражданские ассоциации и индейские организации. Акции привели к перекрытию магистралей и к столкновениям с полицией. Консервативные президент и вице-президент были вынуждены подать в отставку. Были назначены досрочные президентские выборы, которых выиграли Эво Моралес и Альваро Гарсия Линера (левый интеллектуал, которого российский исследователь, директор Центра Политических Исследований Института Латинской Америки РАН Збигнев Ивановский считает «серым кардиналом правительства»). Второй стал вице-президентом.

Их первым делом, после победы, стала отмена запрета на выращивание коки, которая является основным продуктом потребления для боливийцев. Они установили государственный контроль над месторождениями нефти и газа (наноса, таким образом, удар по западным ТНК), надеясь решить социальные проблемы страны. По запасам газа Боливия занимает второе место в регионе. Перед ними стоит вызов, со стороны прозападных экологических движений, организованные в НПО, которые, по сути, выступали против национализации природных богатств, официально защищая окружающую среду от разрушения. Они реально мешают экономическому росту, тем более, что не протестируют против загрязнения природы, со стороны иностранных компаний.

Впоследствии, они объявили о национализации всех природных ресурсов страны, в том числе, энергоносителей и редких металлов (золота и серебра), а разрушение окружающей среды, в результате их добычи - за «необходимое зло». Президент считает, что «национализация нас освободила экономически». Эго Моралес и Альваро Гарсия Линера вдвое сократили свои зарплаты и зарплаты министров и депутатов Парламента. У боливийского президента зарплата в 200\$ является самой низкой во всем мире. Он предоставил на обсуждение «Национальный план экономического развития» на период 2016-2020гг. Главная, заложенная в нем цель: победа над бедностью. За 10 лет пребывания во власти (которые исполнились в январе 2016г.) ее размер был сокращен от 39,3% до 24%. В 2005г. разница в доходах между богатыми и бедными была 125 раз, в 2014г. – 39 раз, в 2020г. должна упасть до 25 раз. В реализацию этого социально-экономического плана будет инвестировано 50 000 000 000\$. Он включает создание

универсальной службы здоровья и, в сфере образования, строительство 75 технологических и технических институтов.

Суть плана состоит в словах: «Мы политически восстанавливаем Боливию, экономически восстанавливаем себе природные ресурсы и перераспределяем богатство». Действительно самый высокий экономический рост в Латинской Америке сейчас наблюдается именно в Боливии.

Эво Моралес публично обещал, что его правление превратится в «ночной кошмар» для США и объявил Джорджа Буша – Младшего «единственным террористом на планете». Он и его коллеги – лидеры стран АЛБА демонстрируют свою сплоченность в противодействии Вашингтону и «новому мировому порядку». Еще будучи в оппозиции, в качестве лидера Движения к Социализму (МАС – мовиментио ал социалисмо), Эво Моралес обвинил посольство США в Ла Пасе в организации терактов в стране, с целью дестабилизации. Обвинения потом были многократно доказаны.

Его приход к власти стимулировал активизацию индейских организаций. Эво Моралес старается положить конец полукOLONIALному господству и построить новую Боливию, в которой представители коренных народов будут заканчивать военные училища, подключаться к управлению и работать в Верховном Суде, как он сам говорит в своих публичных выступлениях.

Ритуал президентской клятвы уже три раза проходил в древнем индейском храмовом комплексе Тиуанако. Включал преподношение даров языческому божеству Пачабамбе (матери-земле). Эво Моралес хочет подменить традиционную политическую элиту в стране и в регионе, которую, на протяжении столетий, формировали потомки испанских конкистадоров и переселенцев. Его слова, что будет править страной от имени индейского большинства, означают для индейцев возвращение в средневековую империю инков. Он возглавил мирную индеанистскую революцию в регионе. Апеллирует к самым бедным, обездоленным, неискушенным в политике индейцам.

В Боливии идет процесс реиндеанизации даже метисского населения. Построенная на нем концепция отражена в идеологии боливийского национализма. Его основной носитель Франсиско Рейнага (индеец-аймара) возвеличивал индейскую самобытность и противопоставляет ее общинам белых и

метиссов, проживающих в Боливии. Он довел в своих трудах развитие теории индеанизма вплоть до индейского расизма. Этому способствовала затянувшаяся консолидация боливийской нации. Она стала реальностью во второй половине XX-го века, одновременно с наступлением капиталистических отношений в боливийской деревне. Рейнага видел в индейском социализме спасение, не только для Латинской Америки, но и для всего человечества. Он считал, что это возможно, если индейцы возьмут всю власть в свои руки. Его лозунги «Индейцы Боливии, объединяйтесь», или «Власть, или смерть» копировали марксистскую пропаганду и стали символами стихийного бунта против «белой» цивилизации. Франсиско Рейнага противопоставлял самобытную индейскую культуру западной. Он надеялся создать коммунитарное общество, сохранившее традиции коллективного труда, конечно, с использованием всех современных достижений науки и техники. «Аграрный коммунизм» инков был его общественным идеалом.

21.02.2016г. граждане Боливии были призваны проголосовать на референдуме о переменах в Конституции, которые дали бы возможность Эво Моралесу быть избранным в четвертый раз на президентском посту в 2019г. Это был третий раз за два года, когда они встали перед урнами:

- в октябре 2014г. Эво Моралес и Альваро Гарсия Линера были переизбраны в третий раз.

- в марте 2015г. в Боливии были выбраны губернаторы и мэры.

Если бы выиграли референдум, президент и вице-президент могли бы еще раз занять высшие посты в государстве в периоде 2020-2025гг. Вопреки воодушевления последователей и публичной массовой поддержки, в конце концов, против проголосовали 51,3%, за – 48,7%. Эво Моралес сразу признал эти результаты и объявил, что уважает волю избирателей, хотя считает, что у него украли победу. Подтвердил, что в Боливии всегда будет править народ. Собирается «продолжать борьбу за страну, за освобождение, за независимость, против лакеев империализма». В социальных сетях уже начали грязную против него. Он думает, что пока не все еще утеряно. Считает, что ему рано думать о наследнике. На самом деле, кроме вице-президента, достойных преемников не видно.

По отношению отступления левых сил в регионе, Эво Моралес высказался сразу, после признания результатов референдума: «Не допустить возвращения правых сил в Латинскую Америку... Наша обязанность бороться с ними с помощью большей организованности и сплоченности... В трудное время правительства Эквадора, Бразилии, Венесуэлы проявили солидарность с Боливией. Сейчас мы не можем оставить их без поддержки: ни Лулы, ни Дильмы, ни Рафаэля Корея, ни тем более Николаса Мадуро... Мы обязаны защитить наших лидеров. Борьба будет продолжаться, пока существуют империя и капитализм. И сколько бы не было президентов-антиимпериалистов, это останется нашей обязанностью». Он обвинил своих политических противников, что ставят под сомнением целесообразность развития отношений с российскими, китайскими, венесуэльскими, кубинскими партнерами, в сфере энергетики и добычи и сбыта минеральных ресурсов, выступают против работы государственных предприятий и хотят возродить полноценные политические отношения и торгово-экономические связи с США. По его мнению, от них исходят одни заговоры и агрессии. Их посольство в Ла Пасе поддерживает оппозицию, составленную нарко-трафикантами.

12 марта 2016 года Эво Моралес дал пространное интервью российскому теле-каналу «Россия 24», посвященное совместным энергетическим и инфраструктурным проектам с Россией и с Китаем. Он остановился и на военно-политическую и геополитическую ситуацию в регионе и в мире. По его словам, деятельность российских компаний «Газпром» и Росатом» в Боливии вызывают только уважение и восхищение. Их присутствие в стране повышает самочувствие у боливийцев.

Эво Моралес выразил надежду, что Владимир Путин пригласит его на открытие чемпионата мира по футболу в Российской Федерации, которую он назвал «братской страной». Он сказал перед российскими телезрителями: «Я верю в Россию и в ее борьбу за освобождение народов мира. А футбол – это, прежде всего, здоровье и дисциплина для молодых людей. Он объединяет народы мира. Мы надеемся на успех именно на территории России. Наше братство должно крепнуть».

Добавил: «США – враг мирового человечества. Они должны быть поставлены в изолятор, чтобы не мешать мировому

развитию. Мы должны освободиться от США!» Это были его центральные слова, посвященные России и США. Он рассчитывает, что Москва и Пекин будут балансом Вашингтону. Обвинил США в разжигании сирийского кризиса и миграционной волны в Европу.

Боливийский президент высказал теплые слова и в адрес Китая и подтвердил желание развивать сотрудничество. Признал, что Ла Пас и Пекин активизируют передачу технологий. Поблагодарил китайского руководства за огромные вложения в дорожную и железнодорожную инфраструктуру.

Эво Моралес назвал блок АЛБА «профсоюзом президентов-антиимпериалистов». Он подтвердил их консенсус в отношении запрета для военного присутствия США на их территории. Указал на основной принцип, объединяющий стран-членов конкурентного Тихоокеанского Альянса: «либерализация». Потребовал новую финансовую архитектуру и политику в мире. Обвинил МВФ, что создает только проблемы всем странам, которых поставил в зависимость и задал риторический вопрос: «Сколько он должен Боливии?» Выразил удовлетворение, что его страна избавилась от МВФ. Подчеркнул, что пока он присутствовал там, им воспользовались отдельные лица, «без никакой морали». Напомнил, что из фонда требуют от него приватизацию экономики.

Нет признаков, что после потери референдума, левые Эво Моралес и Альваро Гарсия Линера откажутся от власти без борьбы. И неминуемо вступят в конфликт с правым Орасио Картесом.

АРГЕНТИНА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ДЕМОКРАТИЯ И АВТОРИТАРИЗМ

(статьи и переводы)

Ирина Радченко

Хустисиалистское государство как аргентинский выбор

В течение первых десятилетий 20 века в Аргентине роль общества в управлении страной стала слабо ощутимой – экономические кризисы, ненависть и недоверие землевладельцев к интересам инвесторов-британцев привели к военному перевороту в 1943 году. Возглавил новое правительство, которое состояло из военных, генерал Педро Пабло Рамирес. Национальный конгресс Аргентины, который находился под контролем радикалов и социалистов, был распущен, в стране ввели цензуру, и выборы уже не могли быть проведены. Однако, новому правительству не удалось заручиться поддержкой населения. Для решения вопроса поддержки группа военных в пределах нового правительства, во главе с полковником Хуаном Пероном, на тот момент секретарем министра труда, начала активные действия. После переговоров с руководителями рабочего движения эта группа решила добиться поддержки населения, начав программу социальных превращений и улучшения положения промышленных работников. Уже к середине 1944г.

Хуан Перон пользовался поддержкой большинства профсоюзов. На некоторый период правительство начало смягчение авторитарного режима и возобновило политические партии и свободу слова. Тем не менее, когда оппозиционные круги восприняли свои права серьезно и организовали в конце сентября массовый марш протеста, правительство вновь возобновило репрессии и арестовало Хуана Перона. В течении нескольких дней с 9 по 17 октября 1944г. – страна осталась без правительства. Но поклонники Хуана Перона практически захватили всю столицу Буэнос-Айрес и 17 октября 1944 г. вернули его (Хуана Перона) к власти. В течении следующих

четырёх месяцев в стране развернулась активная кампания по выборам президента.

Объявив о выдвижении своей кандидатуры на президентский пост, Хуан Перон не ограничился поддержкой созданной в ноябре 1945г. лейбористской (рабочей) партии, а привлек на свою сторону часть радикалов – «Хунту восстановления» -Гражданский радикальный союз и националистов – «Освободительный альянс». Перонистскому блоку противостоял Демократический союз - более либеральная фракция Гражданского радикального союза, прогрессивных демократов,социалистов и коммунистов. Правительство США активно стремилось помешать победе Хуана Перона, опубликовав «Синюю книгу» о связях Хуана Перона с фашистскими странами Европы в 1940-х гг. Однако, этот факт лишь способствовал сплочению всех националистов Аргентины. На этой волне 24 февраля 1946 г. Хуан Перон под лозунгом «Браден или Перон» одержал победу на президентских выборах, собрав 54 % голосов. Его (Хуана Перона) поклонники, перонисты, получили также большинство мест в Национальном конгрессе и провинциальных органах власти.

Причиной такой популярности стала, прежде всего, сама личность Хуана Перона. Он – потомок итальянских иммигрантов, поэтому выбрал типичную для большинства представителей средних прослоек населения военную карьеру. Первый политический опыт он приобрел в 1930г., когда, принял активное участие в военном перевороте. Служебная командировка в Европу в 1939 – 1941 гг. позволила ему изучить опыт фашистских стран в решении социально-экономических и политических вопросов, которые Перон и использовал впоследствии, возглавляя Секретариат труда и социального обеспечения Аргентины. Не удивительно, что Хуан Перон рассматривал промышленный подъем 1930 – 1940-х гг. как основу укрепления будущего государственного потенциала Аргентины и ее гегемонии в Южной Америке на пути создания государства и достижения страной экономической независимости.

Хуан Перон приступил к созданию национал-реформистского (хустисиалистского) государства, начав с организации перонистской партии. В отличие от доминирующих раньше политических партий, главной целью которых была

защита интересов разных социальных групп в рамках многопартийной системы, он стремился создать «страну юридически организованной нации» с единственной партией и централизованным партийным и государственным руководством.

Перонисты никогда не рассматривали свою организацию как политическую партию, которая отражала интересы конкретного класса, а утверждали общенациональный характер своего движения.

Хуан Перон резко негативно отнесся к сформированной после событий 17 октября 1945 г. лейбористской партии как самостоятельной рабочей партии, созданной на базе профсоюзов. В мае 1946 года он распустил свою избирательную коалицию – «Хунту восстановления», Гражданский радикальный союз и «Освободительный альянс», включив их членов в Единственную партию национальной революции. На учредительном съезде в декабре 1947г. она была переименована в перонистскую.

Съезд перонистской партии принял статут и программу, в которых она определялась как «национальное революционное движение, которое направляется доктриной генерала Хуана Перона». За статутом управляющие органы партии – Национальный съезд и Высший совет – покорялись ему как «верховному лидеру партии и государства». Хуан Перон мог отменять любые решения, принятые партией, пересматривать кандидатуры, обновлять руководящие органы и ставить на рассмотрение партийного съезда или плебисцита любой вопрос, который считал нужным. В руководстве преобладали представители радикалов, консерваторов, военных и клерикальных кругов. Главою партии стал адмирал Альберто Тейсаре. Перонистская партия так и не стала действующей партийной организацией, оставаясь передающимся механизмом между лидером и низовыми организациями.

В 1949г. была создана женская перонистская партия, которую возглавила жена президента, Эва Перон, а после ее смерти в 1952 г. – Делия де Пароди. Этому предшествовала кампания по предоставлению права голоса для женщин, развернутая Эвой Перон в прессе и по радио. Местные организации женской партии носили характер домовых комитетов, в которых домашние хозяйки приобщались к перонистской доктрине.

Самой важной частью перонистского движения стали профсоюзы, объединенные в Общую конфедерацию профессий. Демократическая структура профсоюзов была заменена централизованной – руководители всех звеньев, за исключением самой низкой, назначались в министерстве труда. Профсоюзы строились по территориально – производственному признаку во главе с исполкомом соответствующей федерации и имели характер государственного института. По аналогичной с Общей конфедерацией профессий схеме были созданы организация предпринимателей – Общая экономическая конфедерация – вместо распущенного Хуаном Пероном Промышленного союза и Общая университетская конфедерация, которая объединила средние слои общества и интеллигенцию.

В соответствии с перонистской доктриной «вождь, правящие кадры и организованная масса» были тремя опорами хустисиалистского государства. Они создали своего рода пирамиду, основой которой служили вышеназванные конфедерации. Перонистская партия была призвана связывать массовые организации с президентом Аргентины, который был одновременно главой государства и лидером движения, венчая, таким образом, политическую надстройку хустисиалистского государства.

Позже, 17 октября 1950 года, в своем выступлении перед народом, Хуан Перон изложил так называемые «20 истин перонизма», или «Las veinte verdades del peronismo», которые выходили из Национальной Доктрины, а именно:

- Демократическая истина – правительство делает то, что желает народ и защищает только один интерес – интерес народа;
- Перонизм есть народным, все политическое общество – антинародное и в силу этого оно не есть перонистским;
- Перонист работает ради общественного движения, а тот, кто от его имени служит обществу или каудильо, только называется перонистом, но не есть им на самом деле;
- Существует единственный класс – класс людей: для перонизма не существует больше ни единого класса, кроме тех, кто работает;
- Работа есть правом и обязанностью: в Новой Аргентине работа – это право, которое создает достоинство человека, и это обязанность потому, что в интересах справедливости

- каждый должен вырабатывать не меньше, чем потребляет;
- Солидарность перониста: для перониста не может быть никого лучше, чем другой перонист;
 - Не более того, что есть – это не менее, чем должно быть: ни один перонист не должен получать ни более того, что есть, ни менее того, что должно быть, а когда перонист начинает получать избыток, он превращается в олигарха;
 - Шкала ценностей в политической деятельности: в первую очередь, Родина; потом общественное движение; и, наконец – народ;
 - Политика – это не конец, а середина для блага Родины, которым есть счастье ее детей и национальное величие;
 - Социальная справедливость и социальная помощь: это две руки перонизма;
 - Перонизм и национальное единство: перонизм жаждет национального единства, но не борется за него, он требует героев, а не мучеников;
 - Единственной привилегированной прослойкой общества в Новой Аргентине являются дети;
 - Правительство без доктрины – тело без души; поэтому перонизм имеет свою собственную политическую, экономическую и социальную доктрину – хустисиализм.
 - Хустисиализм – это не только новая философия, но и философия жизни, всегда практична, народная, глубоко христианская и глубоко гуманистическая;
 - Хустисиализм как политическая доктрина осуществляет равновесие между правом индивида и общества;
 - Хустисиализм как экономическая доктрина осуществляет социальную экономику, предоставляя капитал в услужение экономике и в окончательном итоге – социальному благополучию;
 - Хустисиализм как социальная доктрина осуществляет социальную справедливость, которая дает каждому человеку право на социальную функцию;
 - Справедливость, воля и суверенитет: мы хотим Аргентину социально справедливую, экономически свободную и политически суверенную;
 - Правительство, государство и народ: мы основываем централизованное правительство, организованное государство и свободный Народ;
 - Народ: на этой земле наилучшее, что мы имеем, это Народ.

Основные положения доктрины Хуана Перона вошли в

Конституцию Аргентины, которая была принята 11 марта 1949 г., Конституция вмещала 103 статьи и переходные положения. В преамбуле указывалось: «Мы, представители аргентинской нации, собраны в Общий Учредительный Конгресс, по воле и выбору провинций, которые его составляют, в завершение предыдущих условий, с целью учредить национальный союз, укрепить справедливость, консолидировать внутренний мир, обеспечить общую защиту, породить общее благополучие и гарантировать свободную прибыль, для нас, для наших потомков и для людей всего мира, которые хотят проживать на аргентинской земле, ратифицируя окончательное решение основать единственную справедливую, экономически свободную и политически суверенную Нацию, и призывая к защите Бога- ключ всего разума и справедливости, приказываем, постановляем и утверждаем эту Конституцию для Аргентинской Нации».

В соответствии с Конституцией, Аргентина провозглашалась федеративной республикой, главой государства утверждался президент, высшим законодательным органом – Конгресс, который состоял из 2 палат: Сената и Палаты Депутатов, с достаточно ограниченными полномочиями. Стоит отметить, что полномочия президента были значительно расширены: кроме традиционных – главнокомандующий всеми Вооруженными силами страны, ее представитель на международной арене, в его компетенцию входил контроль за деятельностью Конгресса – продолжать обычные сессии Конгресса и созывать чрезвычайные. Президент Аргентины избирался сроком на 6 лет с правом повторного избирания.

Конституция 1949 г., впервые упоминала о правах и свободах человека и гражданина, которые характеризуют социальный конституционализм, и ввела юридическое равенство мужчины и женщины. Термин «социальный конституционализм» появился впоследствии индустриальной революции, которая вызывала формирование рабочего класса и его организацию в синдикаты и рабочие партии с целью заявить об особых правах на труд. Главная особенность социального конституционализма – социальная справедливость, которая понимается, как необходимость превратить чисто формальные заявления о правах человека на фактически действующие, к тому же гарантированные государством. Социальный конституционализм содержит в себе

также экономические, социальные и культурные нормы. Среди первых выделяются понятия социальной функции собственности и социальной экономики рынка. Среди социальных норм – важнейшими есть права на жилье, социальную безопасность. Среди культурных норм – гарантия на общее и бесплатное образование.

В фундамент Конституции Хуана Перона был положен проект перониста левого направления Джона Вильяма Кука. В частности, по поводу вмешательства государства в экономику он отмечал: «Огромнейшие финансовые концентрации, фатальный результат борьбы за сырье и рынки, создали условия, при которых не смогли быть выполненными никакие из положений, на которых базировалась экономическая либеральная доктрина. Перед растущей властью великих капиталистических организаций, мировых проектов, был миф свободы, уже не экономической, а политической, что сделало необходимым вмешательство государства в экономическую жизнь наций, чтобы препятствовать использованию слабых людей и облегчать органичный и уравновешенное развитие экономических сил».

Таким образом, придя к власти в результате президентских выборов в 1946 году, Хуан Перон практически сразу приступил к разработке теоретических положений своей перонистской доктрины, которая окончательно оформилась к 1950 году, а некоторые положения доктрины были положены в основу Конституции, принятой годом ранее.

Источник: Радченко І. Аргентинський вибір – хустисіалістська держава / І. Радченко // Національна ініціатива. – 2011. – 11 грудня. Перевод с украинского А. Бондарь и К. Смеяновой.

Конец эпохи «киршнеризма» в Аргентине

Данная статья посвящена анализу причин конца эпохи правления семейства Киршнер в Аргентине. По мнению автора, созданная семейством Киршнер модель управления рухнула под воздействием самых разных факторов и не в последнюю очередь - из-за некомпетентности самих руководителей страны.

Ключевые слова: киршнеризм, авторитарное правление, экономический кризис, политическая оппозиция.

This article analyzes the reasons for the end of the era of the family of Kirchner in Argentina. According to the author, created by Kirchner family management model collapsed under the influence of a variety of factors, not least of all - because of the incompetence of the country's leaders themselves.

Key words: Kirchnerism, authoritarian rule, the economic crisis, the political opposition.

22 ноября 2015 г. Аргентина узнала имя нового президента. Им стал мэр Буэнос-Айреса Маурисио Макри. Выборы подвели черту под двенадцатилетним правлением семейства Киршнер - Нестора и Кристины, весьма неоднозначным по своим политическим и социально-экономическим итогам. Нельзя не признать, что киршнеристская модель управления экономикой позволила стране выйти из острого кризиса и обеспечить хозяйственный подъем, продолжавшийся с 2003 по 2012 г. По среднегодовым темпам прироста ВВП (7%) Аргентина в этот период опережала большинство латиноамериканских государств. В этот период динамично развивалось производство основных промышленных и сельскохозяйственных товаров, значительно увеличились внешнеторговый оборот и валютные резервы. В результате хозяйственного подъема и проведения активной социальной политики уровень жизни большинства населения повысился. Улучшились практически все социальные показатели: сократились бедность и безработица, были введены пособия по безработице, назначены прямые денежные субсидии малоимущим гражданам, разработаны программы по жилищному строительству и созданию новых рабочих мест[1]. Введенное в 2009 г. универсальное пособие на ребенка, возможно, наиболее широко принятая социальная программа в Аргентине. Она обеспечивает финансовую поддержку

родителям, которые являются безработными или работают в неформальном секторе. Родители получают ежемесячное пособие на каждого ребенка в возрасте до 18 лет. Единственным ограничением является то, что пособие выплачивается лишь на пятерых детей. Они получают 837 аргентинских песо (около \$120) на каждого ребенка в месяц. Восемьдесят процентов этой суммы они получают ежемесячно, а 20% накапливаются до начала учебного года в марте. Предоставив сертификаты посещаемости школы и записи о вакцинации родители могут чтобы получить оставшуюся сумму[2].

Все эти меры послужили основанием для поддержки данной модели миллионами аргентинцев.

Существенные трансформации претерпела и политическая сфера. Особый акцент в проведении политических реформ был сделан на усиление исполнительной власти в ущерб самостоятельности других ветвей. Была значительно снижена роль парламента и, как следствие, политических партий, и без того находившихся в кризисном состоянии. Протестные движения, возникшие во время экономического кризиса 2001–2002 гг., профсоюзы и другие институты гражданского общества были полностью поставлены под контроль действующей власти. Значительно усиливалась роль государства во всех сферах жизни аргентинского общества. Отношения с провинциями, несмотря на то, что по конституции Аргентина федеративная республика, строились по принципу жесткого подчинения центральной власти.

Характерной чертой аргентинской модели политического развития, сложившейся в годы правления президента Н. Киршнера(2003-2007 гг.) и окончательно оформившейся в президентство К. Фернандес де Киршнер (2007-2015 гг.), стало полное доминирование института исполнительной власти. Все спорные вопросы постоянно решались в обход других ветвей власти путем издания президентских декретов. Жесткому давлению подверглись судебные органы, в прямую зависимость от государственного финансирования было поставлено большинство средств массовой информации. В результате проведения данной политики, произошла значительная поляризация общества, которое разделилась на сторонников и противников действующей власти. Аргентина все более превращалась в авторитарное государство. Многим

аналитикам тогда казалось, что страна движется по венесуэльскому сценарию. Аргентинскими властями «обкатывалась идея «вечной Кристины», состоявшая в снятии конституционного запрета на переизбрание президента К. Фернандес де Киршнер на новый срок»[3].

Однако в 2011 г. в стране разразился тяжелый экономический кризис.

Быстрое изменение общественных настроений привело к формированию больших оппозиционных групп населения, состоявших преимущественно из представителей городского среднего класса. Недовольство наступлением властей на права граждан и усилением авторитарных тенденций в управлении государством вылилось в массовые акции протеста в 2012–2013 гг. Протестные акции способствовали оживлению политической оппозиции, которая была полностью маргинализирована в предыдущие годы.

Общественное недовольство политикой властей отразилось на результатах выборов 2013 г. в Национальный конгресс. Частичные парламентские выборы (наполовину обновлялась палата депутатов и на одну треть - сенат) должны были сыграть решающую роль в реализации проекта по пересмотру конституции с целью отмены запрета на переизбрание действующего президента на третий срок подряд. Правящий в Аргентине «Фронт за победу» стремился по результатам выборов добиться квалифицированного большинства в парламенте, необходимого для проведения конституционной реформы.

Однако итоги парламентских выборов 2013 г. оказались наихудшими для «Фронта за победу» за все время его пребывания у власти, и ему не удалось добиться квалифицированного большинства в конгрессе. Результаты выборов показали, что аргентинское общество не поддерживает идею внесения изменений в конституцию.

Еще одним из результатов парламентских выборов стало то, что впервые за годы безальтернативного правления семейства Киршнеров, на политическом горизонте появилось сразу несколько потенциальных оппозиционных лидеров, заявивших о своих президентских амбициях. Большая часть аргентинского общества выступала за перемены.

Созданная семейством Киршнер модель управления рухнула под воздействием самых разных факторов и не в

последнюю очередь - из-за некомпетентности самих руководителей.

Осенью 2015 г. в Аргентине состоялись президентские выборы. Первый тур выборов не выявил победителя. Во второй тур вышли кандидат от правящего альянса «Фронт за победу» Даниэль Сциоли и кандидат от оппозиционной консервативной партии «Республиканское предложение» Маурисио Макри. 22 ноября 2015 г. состоялся второй тур, в котором с отрывом в 2.8% победу одержал кандидат от оппозиции Маурисио Макри. Согласно данным Национальной избирательной палаты за Маурисио Макри проголосовали 51.40% избирателей, за его конкурента - кандидата от правящего альянса "Фронт за победу" Даниэля Сциоли - 48.60%[4].

Маурисио Макри вступил в должность десятого декабря 2015г.

По мнению аргентинских аналитиков, поражение на выборах Даниэля Сциоли было связано с его близостью к действующему руководству. Несмотря на то, что Сциоли потерпел поражение, оно оказалось не таким сокрушительным, как предполагала аргентинская оппозиция. Поэтому в своей политике новому президенту Маурисио Макри придется принимать во внимание, что практически половину граждан Аргентины не устраивают предлагаемые им перемены.

Страна досталась Маурисио Макри в тяжелом экономическом положении. В Аргентине запрещено свободное хождение американского доллара, действует черный рынок обмена валюты, правительство ведет судебные тяжбы с кредиторами, отказавшимися от реструктуризации задолженности, а инфляция может превысить, по оценкам специалистов, 25%[4].

Именно на решении экономических проблем и собирается сосредоточиться новый президент, которого считают выразителем интересов предпринимательского класса. Он собирается увеличить число ведомств, занимающихся вопросами экономики. Министром финансов был назначен Альфонсо Прат-Гая, возглавлявший Центральный банк Аргентины с 2002 по 2004 г. Одним из предвыборных обещаний Маурисио Макри было снятие валютных ограничений, которые были введены в Аргентине в 2011 г. Право на покупку валюты имели лишь лица, отправляющиеся в зарубежную поездку, для чего они вначале были обязаны получить разрешение в

налоговых органах. Под ограничения попали не только частные лица, но и организации, в том числе зарубежные, которые с трудом могли перевести свои доходы из аргентинских песо в доллары.

«Валютные ограничения были оплошностью», - заявил Макри на первой после выборов конференции. Он признал, что пока не может предсказать, каким будет обменный курс. До выборов Даниэль Сциоли и его сторонники многократно повторяли, что отмена валютных ограничений приведет к девальвации песо. В настоящее время деловой курс американской валюты отличается от черного рынка в полтора раза - 9.6 песо против 14.9.[4]

Маурисио Макри собирается скорректировать не только экономическую, но и внешнюю политику государства. По мнению аналитиков, он постарается восстановить связи с США и государствами Европы, которые были практически заморожены в эпоху «киршнеризма».

«Видимо, приоритетом для него станут отношения с США», - заявил доктор политических наук из аргентинского Национального совета по научным и техническим вопросам Диего Рейносо[4].

Впрочем, с тем, что новый президент изменит отношения с текущими партнерами, включая Россию, согласны далеко не все. Другой известный аргентинский политолог, сотрудник аналитического центра «Аргентинский совет по интернациональным отношениям» Мариано Каусино выразил суждение, «что следующее правительство продолжит развивать отношения с Россией», так как «Аргентина не входит в число ведущих государств, это так называемая «средняя держава», следственно ей необходимо развивать отношения со всеми, не отдавая особенного предпочтения тем либо иным», - считает он[4].

Сам новый глава государства заявил, что Буэнос-Айресу «необходимо разнообразить связи с миром» и что он хочет «иметь отменные отношения со всеми государствами».

«Моя цель - предоставить экономический рост государства, сделать рабочие места для аргентинцев. Это значит, что нужно добиться, дабы наша продукция имела выход на все рынки мира», - отметил Макри. В этой связи, он позитивно относится к тому, что правительство Фернандес де Киршнер установило

прочные торговые связи с Китаем и Россией, впрочем считает, что «их нужно сделать более прозрачными»[4].

Аналитики предполагают, что приоритетом во внешней политике для Маурисио Макри станут отношения с партнерами по Южноамериканскому всеобщему рынку (МЕРКОСУР). По мнению Макри, в последние годы развитие МЕРКОСУР было заморожено. Он, в частности, считает нужным возобновить переговоры с Европейским союзом по соглашению о свободной торговле.

Впрочем, невзирая на заявленную значимость улучшения взаимоотношений с «братьями из Латинской Америки», новый президент заявил, что готов пойти на разрыв экономических связей с одним из членов МЕРКОСУР - Венесуэлой, которая была одним из основных экономических партнеров Аргентины в период президентства Кристины Фернандес де Киршнер. Маурисио Макри намеревается поднять вопрос об исключении Каракаса из организации, если венесуэльские оппозиционные политики, находящиеся в тюрьме, не будут освобождены.

Однако это предложение вряд ли получит поддержку среди всех стран-членов МЕРКОСУР. Согласно Уставу организации, членство в МЕРКОСУР может быть приостановлено в случае «нарушения демократического строя государства», однако, по мнению экспертов, президенты Бразилии Дилма Руссефф и Уругвая Табаре Васкес никогда не согласятся применить данный пункт Устава в отношении Каракаса.

Победу оппозиционного кандидата в Аргентине и конец «киршнеризма» многие видные латиноамериканские политики восприняли как свидетельство близкого краха левых популистских режимов на континенте. По мнению бывшего президента Уругвая Хулио Марии Сангинетти, это относится не только к Аргентине, но и к Бразилии и Венесуэле. «Звезда Лулы закатилась из-за скандалов с масштабной коррупцией его преемницы - Дилмы Руссефф, уровень доверия к Николасу Мадуро обрушился под грузом некомпетентности и произвола венесуэльских властей, проект преемственности Киршнер утонул», - пишет Сангинетти в статье для испанской газеты El País под заголовком "Конец праздника"[5]. Из этих трех стран, по мнению бывшего уругвайского лидера, только у Аргентины появился шанс вырваться из порочного круга - и это связано с победой на выборах Маурисио Макри. Сбудутся ли подобные прогнозы или нет, на сегодняшний день сказать трудно, но

очевидно, что в истории Аргентины начинается совершенно новая эпоха.

Библиографический список

1. Яковлева Н.М. Аргентинская модель посткризисного развития // Мировая экономика и международные отношения, 2014, № 1, с. 63-73.
2. Конец эпохи: подводя итог 12 годам «киршнеризма» // Версия. 28.10.2015. URL: <https://versia.ru/podvodya-itogi-12-ti-let-kirshnerizma> (дата обращения: 13.03.2016.)
3. Яковлев П.П. Государство и общество в Латинской Америке: история и современность // Портал «Перспективы». 28.02.2014. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/gosudarstvo_i_obshhestvo_v_latinskoj_amerike_istoriya_i_sovremennost_2014-02-28.htm (дата обращения: 13.03.2016.)
4. Новый президент Аргентины Маурисио Макри: конец эпохи "киршнеризма" // Портал «Война и мир». 10.12.15. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/vprint/107474/> (дата обращения: 13.03.2016.)
5. Ландшафт без дамы // The New Times. 24.11.2015. URL: <http://the-newtimes.livejournal.com/115657.html> (дата обращения: 13.03.2016.)

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2016 / 2 (20)

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

Academic journal

2016 / 2 (20)

ISSN 2219-1976